

Сластѳе

A group of seven young people are gathered around a campfire in a forest at night. The scene is illuminated by the warm glow of the fire and the starry night sky. One person stands in the center, pointing upwards, while the others are seated or kneeling around the fire. The overall mood is peaceful and nostalgic.

Ерденова Дария

Дария Ерденова

Счастье

<https://litres.ru/73852768>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если просыпаешься в незнакомом месте без воспоминаний? Без имени, без прошлого, но с непреодолимым желанием найти себя и понять, кто ты есть на самом деле. Вместе с новыми, яркими и противоречивыми друзьями ей предстоит раскрыть тайны, столкнуться с испытаниями и осознать, что истинная сила — в дружбе и принятии.

Это история о поиске себя, о взрослении и выборе пути в мире, где магия переплетается с реальностью.

Дария Ерденова

Счастье

Что делать, если просыпаешься в незнакомом месте без воспоминаний? Без имени, без прошлого, но с непреодолимым желанием найти себя и понять, кто ты есть на самом деле. Вместе с новыми, яркими и противоречивыми друзьями ей предстоит раскрыть тайны, столкнуться с испытаниями и осознать, что истинная сила — в дружбе и принятии.

Это история о поиске себя, о взрослении и выборе пути в мире, где магия переплетается с реальностью.

Счастье

Ерденова Дария

© Ерденова Дария, 2026

*Посвящается тем, кто борется
за своё “может быть”*

Все права защищены.

Книга или любая её часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или ка-

ким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от автора.

Копирование, воспроизведение и иное использование книги или её частей без согласия автора является незаконным и может повлечь административную, гражданскую и уголовную ответственность.

ПРОЛОГ

Ночь медленно растекалась по земле, как чернила по мокрой бумаге. Она не просто наступила — она захватила, утопила всё живое в своей вязкой, липкой темноте. Звёзды спрятались за низкими облаками, серыми, как пепел, тяжёлыми, как камни. Луна и вовсе исчезла, будто кто-то стер её с неба резким, яростным движением.

Дождь начинался незаметно — сперва едва слышное шуршание среди ветвей, лёгкие касания капель по высохшей земле. Но за считанные минуты небо раскрылось, и хлынул настоящий поток. Вода лилась с небес, будто сами боги рыдали, оплакивая то, что уже не вернуть. Потоки ударяли по крышам, по листве, по лицам случайных прохожих, заставляя их прятаться, сжиматься, исчезать. Но в этом заброшенном месте — где природа казалась покинутой даже собой — не было людей. Только дождь. Только ветер. Только ночь.

Ветер завывал с силой дикого зверя, поднимал в воздух сухие листья и швырял их обратно в землю, ломал слабые

ветки, заставлял качаться даже самые старые деревья. Их силуэты казались зловещими — скрюченными, обезображенными, как фигуры, что пытались вырваться из земли, но застыли в крике.

Пустошь была широкой, голой, раскинувшейся до самого горизонта. Мокрая трава — хрупкая, обессиленная — клонилась к земле, как в трауре. Вода собиралась в ямах, ручьях, мелких впадинах, отражая дрожащие искры молний. Одинокое дерево стояло посреди этого моря, его корни уже начали вымываться дождём, будто оно устало и вот-вот упадёт.

Земля под ногами раскисла, потеряла форму, всё стало вязким, тяжёлым. Каждый шаг — с хлюпающим звуком, будто само болото цеплялось за подошвы, умоляя остаться. И всё же — шаги были. Где-то вдалеке. Едва уловимые. Чужие.

Запах сырости витал в воздухе, впитывался в кожу, в дыхание. Смешение прелых листьев, мокрой земли и чего-то горелого — отдалённого, будто старого костра, который погас давным-давно. Всё вокруг напоминало о чём-то древнем, забытом, но не умершем.

Тишина была гулкой, насыщенной звуками дождя, шелеста веток, плеска воды. Иногда природа замолкала на мгновение, как будто затаив дыхание. И в эту паузу можно было почувствовать — не услышать, а именно почувствовать — чьё-то присутствие. Невидимое. Непокойное.

Молния раз за разом разрывала небо, окрашивая всё в слепящий бело-голубой свет. На секунды мир замирал, оста-

навливался — и тут же снова прятался в тени. Эти вспышки создавали иллюзию движения: казалось, кто-то прошёл вдалеке, кто-то склонился над землёй, кто-то наблюдает из темноты.

Старый мостик, полуразрушенный, дрожал от потоков воды. Под ним — разлившийся ручей, теперь уже почти река, с бурлящими водоворотами, уносящими листья, ветви, старые обломки. Казалось, сама вода торопится — бежать прочь отсюда, от чего-то ужасного, что вот-вот произойдёт.

Мир замирал в своём собственном забытом ритме. Природа — молчаливый свидетель чего-то странного. Что-то должно было случиться. Что-то шло. Что-то неумолимо приближалось.

Где-то вдалеке — треск. Не ветка. Не зверь. Звук шагов. Затем — снова тишина. Только дождь.

И вдруг — вспышка молнии. Гораздо ближе. Гром, обрушившийся почти сразу, так, что воздух задрожал. В ту же секунду — крик.

Резкий, пронзительный, вырывающийся из самой глубины человеческой души.

Часть 1

ГЛАВА 1

Что-то щекотало мне лицо — лёгкое, холодное... ветер? Да! Ветер! Откуда я знаю, что это ветер?.. Хм. Не знаю. Но

это слово само всплыло, как пузырьрёк из глубины.

Я открыла глаза и замерла. Надо мной потолок, но не как у дома. Он из дерева — доски, тёмные, сырые, и между ними полосы света. А в углу... паутина! Настоящая! С пауком! Настоящим!

— Ух ты! — вырвалось у меня само.

Я приподнялась — подо мной сено! Оно колется, но мягкое. Запах странный — мокрый, немного затхлый, но не противный. Как будто прелые листья и дерево, и ещё... не знаю что. Воздух прохладный, пахнет дождём.

Я села. В голове пусто. Как будто кто-то стёр всё-всё. Ни имени, ни лица, ни воспоминания. Только ощущения. И какие-то слова. Я не знаю, кто я. Но знаю, что это паутина. Что это сено. Что вот это — дверь. И что я хочу на улицу.

Я толкнула дверь. Она громко заскрипела, и я испугалась. А потом... она открылась.

— Ого...

Передо мной был целый мир. Настоящий. Живой. Огромный. Внизу — много людей. Много! Я таких никогда не видела. Наверное. Или видела? Не знаю. Они все разные: кто-то высокий, кто-то в странных плащах, у кого-то шляпа, как у сказочника.

Сказочник? А кто это?

И всё вокруг пестрит: флаги, ленты, фонари, дым из печей, разноцветные шатры. Где-то жарят что-то вкусное, пахнет сладким и острым, и... ух, как пахнет!

Я сделала шаг — земля под ногами мокрая, но не холодная. Тепло. Люди ходят мимо, смеются, разговаривают. Кто-то продаёт блестящие штуки, кто-то бросает мячики в баночки, кто-то поёт и играет на каком-то... длинном деревянном инструменте. Музыка! Я знаю, что это!

У меня кружилась голова — не от страха, а от восторга. Я будто родилась только что и сразу попала в сказку.

— Ух ты... — снова прошептала я. — Как это чудесно...!

Каждая мелочь казалась чудом. Огонёк на верёвочке. Шарик, взмывший в небо. Золотая монета, сверкающая на солнце. И даже пирог, стоящий на прилавке.

Я бродила среди людей, захлёбываясь от ощущений. Всё сияло, шумело, переливалось. Кто-то жонглировал огнём, кто-то крутил цветные ленты в воздухе, дети носились, визжа и смеясь, а воздух был такой вкусный, что от одного вдоха хотелось смеяться.

А запах... Сладкий. Тягучий. Что-то тёплое и пряное, будто мёд и жар вместе. Я повернула голову и увидела прилавок.

На нём ровными рядами лежали яблоки, покрытые чем-то янтарным и блестящим. Они были на палочках, и один мальчик с довольным лицом вгрызался в такое яблоко.

Я почувствовала, как громко заурчало в животе. Я не помню, ела ли я вообще когда-нибудь. Но знала — мне это нужно. Прямо сейчас.

Я подошла к прилавку. Мужчина с круглым лицом, ко-

роткой бородкой и мясистыми руками посмотрел на меня. Я протянула руку, взяла яблоко. Оно липло к пальцам.

— Деньги, девочка, — сказал торговец хмуро.

Я моргнула.

— Что?

— Деньги. Монеты. Платить надо.

Я опустила глаза, прижимая яблоко к груди. Я не знала, о чём он говорит. Деньги?.. Звучит знакомо, но... пусто. Внутри — только голод и стыд.

— О, смотрите-ка. — Чей-то голос раздался сбоку. — А она у нас, похоже, впервые видит рынок. И деньги. Очаровательно.

Я обернулась. Парень стоял, лениво прислонившись к стойке. Высокий, тонкий, с растрёпанными волосами и насмешкой в глазах. Он смотрел на меня, будто я — странное животное на ярмарке чудес.

— Ты что, с луны свалилась? — спросил он. — Или из башни колдуна?

Я только прижала яблоко крепче. Он вздохнул, достал из кармана пару монет и бросил их на прилавок.

— За неё, — сказал он.

— Спасибо... — выдохнула я. Внутри всё дрожало — от неловкости, растерянности... и чего-то ещё.

Парень склонил голову, разглядывая меня.

— Ты всегда так — просто берёшь и ничего не платишь?

Я покачала головой.

— Я... я не знаю.

— Хм. — Он усмехнулся. — Ну ладно. Бывает. Я — Саша, если интересно. А ты, загадочная девочка без денег и понятий, кто?

— Я... не знаю, — прошептала я.

Он приподнял брови.

— Даже имени?

Я покачала головой.

— Ну, это уже интригующе. Где живёшь хотя бы?

Я замаялась. Потом показала рукой куда-то назад.

— Там... в сарае. Наверное.

Саша рассмеялся. С искренним удивлением.

— Отлично. Таинственная незнакомка из сарая.

Он развернулся и неспешно пошел куда-то.

— Не подавись там, — бросил он через плечо и ушёл, растворяясь в толпе.

А я стояла и удивлённо смотрела ему в след. Я всё ещё держала яблоко. Оно было липкое, но тёплое. Я осторожно лизнула — ммм, сладкое! Очень сладкое. И тянучее. Оно пачкало всё вокруг, даже волосы зацепились.

— Ай... — пробормотала я и начала вытирать руки о край юбки. — Оно... липкое.

— Потому что это карамель, — вновь раздался голос Саши.

— Слушай, ты серьёзно не знаешь, что такое карамельное яблоко? — спросил он.

Саша шёл немного впереди, а я поспешно шагала за ним, всё ещё сжимая липкое карамельное яблоко. Оно тянулось липкими ниточками, блестело в свете фонарей, и на его поверхности уже прилипли пара мелких перышек и пылинка. Но это не мешало — оно было таким вкусным! Мир вокруг кипел: ярмарка жила своей шумной, яркой, непонятной жизнью, а я всё никак не могла насмотреться.

— Вон там бросают кольца, — сказал Саша и кивнул в сторону. — Попадёшь — получишь приз. А вон там — жонглёры. Иногда они жонглируют факелами. Видела?

— Видела! — я закивала. — Они такие ловкие! И ещё мужчина в фиолетовой шляпе жонглировал ножами!

— О, это Себастьян, — усмехнулся он. — Он слегка сумасшедший. Но крутой.

Мы проходили мимо прилавков, лавок и палаток. Везде что-то шевелилось, мигало, кричало, звенело. Как будто весь этот мир создан для того, чтобы удивлять. И я удивлялась.

Остановились у ларька с разноцветными стеклянными шарами. Они крутились, и внутри у каждого — какой-то свой мир. Один — снежный, другой с блестками, в третьем плавала миниатюрная лодка. Я прижалась ближе, буквально носом к стеклу.

— Это магические шары? — прошептала я.

— Нет, просто сувениры, — усмехнулся Саша. — Но тебе,

кажется, нравится всё, что блестит.

— Оно красивое! — сказала я с жаром.

— Ты как ребёнок, честное слово.

— Может, я и есть ребёнок? — задумчиво сказала я. —

Я же не знаю, кто я...

Он на секунду замолчал, а потом быстро сменил тему:

— Хочешь на шар?

— Шар?

— Воздушный. Полетать над ярмаркой. Не высоко, но зато видно всё сверху. Ты такого точно не забудешь.

— Дааа! — я чуть ли не подпрыгнула. — А он... не упадёт?

— Не должен. Только держись крепко.

Мы подошли к большой открытой корзине, прикреплённой к пёстрому воздушному шару. Он был полосатый, красно-золотой, и вспыхивал огнём, когда воздух внутри нагревался. Меня слегка пугал звук, но это было... захватывающе.

Когда шар плавно оторвался от земли, я вскрикнула — не от страха, а от восторга.

— Ух тыыыы...! — протянула я, вцепившись в край корзины. — Всё как игрушечное!

— Ага, — кивнул Саша. — Отсюда видно весь город.

Мы летели медленно, внизу всё мельтешило огнями. Казалось, мир пульсирует — как сердце. У меня в груди тоже что-то дрожало, как будто внутри поселилась бабочка.

Когда мы опустились обратно, уже начинало темнеть.

— Спасибо! — сказала я, когда мы вышли из корзины. —

Это было... чудо!

— Пожалуйста, — ответил он. — А теперь ты куда?

— Ну... в сарай?

— Слушай, может, пока поживёшь у меня? У меня тепло, сухо. Ну и не сарай всё-таки.

— А можно? — я распахнула глаза. — Правда?

Он чуть усмехнулся.

— Конечно. Пошли.

Дом Саши был странным. Очень странным. И очень интересным.

Там были книги. Много. Они стояли на полках, лежали стопками, одна — даже в чайнике. Я не знала, зачем они, но они пахли пылью, деревом и чем-то... важным.

На стенах висели карты, рисунки, какие-то странные схемы. На одном столе — резные фигурки, на другом — провода и что-то блестящее, похожее на сломанный музыкальный инструмент.

— У тебя тут... музей? — прошептала я.

— Это просто бардак, — отмахнулся он. — не трогай, а то может взорваться.

Я замерла.

— Шутка, — добавил он.

На кухне пахло корицей. Саша дал мне одеяло, показал, где ванная и где можно попить воды. Потом включил лампу, пожелал спокойной ночи и ушёл в свою комнату.

Я легла на диван. Одеяло было мягким, подушка — пахла мятой. Я лежала, уставшая и счастливая, и смотрела в потолок. Всё кружилось у меня в голове: карамель, шар, свет, музыка...

Я улыбнулась.

— Спасибо, — прошептала я в темноту, и сон потянул меня за руку в тишину.

Глава 2

Я проснулась от запаха. Тёплый, солёный, аппетитный запах... чего-то вкусного. Я резко открыла глаза — сначала не поняла, где я, а потом вспомнила: диван, одеяло, уютный дом... Саша!

Я села, волосы растрёпаны, щека немного залипла к подушке. Потянулась — и тут услышала:

— Ааа! — воскликнул кто-то с кухни. — Да что ж такое...

Я тихо вышла из комнаты и заглянула: Саша стоял у плиты с чем-то круглым на сковородке, очень подгоревшим.

— Это... еда? — осторожно спросила я.

Он обернулся, взъерошенный, с виноватым лицом.

— Ну, почти. Это была яичница. Пока я не задумался, как объяснить, что такое библиотека.

— Яичница... — повторила я с интересом. — Это из яиц? Я знаю, что такое яйца! Они круглые и хрупкие, как мыльный пузырь!

— Тебя всё удивляет, — хмыкнул он и снял сковороду с плиты. — Давай я по-быстрому сделаю новую. Эту... лучше не трогать.

Я села за стол. Всё было простое, но такое тёплое: кружка, рассыпавшаяся соль, салфетка с пятном чая. И солнечный свет, что падал сквозь окно прямо на столешницу.

— А что такое библиотека? — спросила я, наблюдая, как он разбивает новые яйца.

— Это место, где живут книги.

— Книги... — повторила я с трепетом. — Это эти пахнущие штуки, с буквами?

— Угу. Там очень много разных. Хочешь, покажу после завтрака?

Я кивнула так энергично, что волосы ударили меня по щеке.

Через несколько минут передо мной стояла тарелка с горячей яичницей и тостами. Я осторожно взяла вилку, глядя на неё, как на загадку. Её нужно было нажимать в еду. Я сама догадалась.

— Вкусно? — спросил он.

— Очень! — с полным ртом ответила я. — Лучше, чем карамель!

Он рассмеялся.

Мы шли по узкой улочке, и я уже не сжималась от каждого шума — всё казалось немного знакомым. Саша шёл рядом,

рассказывал, показывал на вывески. Я ничего не понимала, но кивала.

— А вот она — библиотека.

Здание было большое, с высокими окнами. Дверь — резная, тяжёлая. Внутри — тишина. И запах! Как будто весь мир стал шёпотом.

Я замерла.

— Ух ты...

Повсюду полки. Стеллажи до потолка. И лестницы, и старые кресла, и какие-то странные круглые штуки на ножках — глобусы?

— Здесь живут истории? — прошептала я.

— Здесь “всё” живёт, — улыбнулся Саша.

Я подошла к полке, потянула книгу. Она была тяжёлая. Я открыла... там — буквы. Много. Я водила пальцем по строчкам, чувствуя, как мир ускользает сквозь непонимание.

— Ты умеешь читать? — вдруг спросил он.

Я замерла.

— Я... нет. Я не знаю, что это значит. Я просто вижу... чёрточки.

Он посмотрел на меня, потом мягко сказал:

— Хочешь, я научу?

Я кивнула.

— Очень хочу.

Мы вернулись домой. Саша поставил чайник, разложил

несколько книг. Один лист был чистым, с нарисованными буквами.

— Это — “А”, — сказал он. — Повтори.

— А...

— Молодец. А это “Б”.

Мы сидели за столом, я училась. Писать, читать. У меня ничего не выходило, я всё время путала буквы. Одна у меня всё время получалась кривой, как падающая сосиска.

— Это не “З”, это змейка! — засмеялась я.

Саша тоже смеялся. Потом терпеливо показывал снова. Я пыталась — и у меня начинало получаться.

Сквозь открытое окно доносились голоса, пахло осенью и хлебом. Мир медленно раскрывался передо мной.

И я думала: пусть я ничего не знаю, но... мне здесь нравится.

— Ма-ма... — я протянула, уставившись на кривые знаки на бумаге. — Маа-ма... ми-ла...

— Раму, — подсказал Саша, сидящий напротив, облокотившись на руку.

Я фыркнула, уткнувшись лбом в лист.

— Что за «мама мыла раму»?!. Почему? Кто такая мама? Почему раму? Что это вообще за текст? Он бессмысленный!

Саша засмеялся, потянувшись за чашкой с остывшим чаем.

— Это учебное предложение. Чтобы ты научилась читать

простые слоги.

— Да он дурацкий! — я подняла голову, уставившись на него. — Если уж учить — почему не что-то интересное? Почему не: «принцесса спасла кота из замка»?

— Потому что ты пока не можешь прочитать «принцесса», — хмыкнул он. — Ещё не выучила половину букв.

Я заворчала и уронила голову обратно на стол.

Буквы начали плавать перед глазами, как мокрые следы на стекле. Линии, кружки, палочки — всё сливалось в кашу. «А» с пузиком, «Б» с флажком, «Г» с крючком...

Голова стала тяжёлой. Спина ныла от того, что я весь день то наклонялась, то рисовала, то писала. Пальцы были в чернилах, бумага вся в кляксах и поправках.

— Всё, — простонала я. — Я не создана для этого. У меня в голове пусто, и она щас лопнет.

Я взглянула на Сашу с самыми страдальческими глазами на свете.

— Давай... перерыв?

Он медленно отпил чай, притворяясь, будто серьёзно размышляет.

— Хм... А как же твоя мечта прочитать табличку «Опасно, не влезай»?

— Ну... если табличка — с картинкой, я и так пойму, — буркнула я и закрутилась на стуле.

Саша встал, подошёл к шкафчику и достал оттуда небольшой мешочек.

— Держи. Награда.

Я с подозрением заглянула внутрь — там были круглые блестящие конфеты в яркой обёртке.

— Ооо! — глаза загорелись. — А это... это... ммм... как...

— Конфета.

— Конфета! — повторила я, торжественно. — Я выучила слово!

— Молодец.

— С тебя ещё три мешка за мучения, — пробормотала я, разворачивая одну.

Он сел обратно, опираясь локтями на стол.

— Учиться всегда сложно. Особенно сначала. Зато потом — легче.

Я пожала плечами.

— Оно не сложно. Оно... утомительное. Как будто ты идёшь в гору весь день и тебе говорят: «ещё чуть-чуть». А потом ещё. И ещё.

— Это точно.

— А ещё ты противный, — буркнула я, указывая на строчку с «мама мыла раму». — Кто так учит? Лучше бы истории рассказывал.

Саша улыбнулся, откинувшись на спинку стула.

— Ну, можно и так.

Он начал рассказывать какую-то короткую байку про мальчика, который перепутал зелье сна с зельем смеха и за-

смеялся так, что уснул от усталости.

Я слушала, опершись щекой на руку. Глаза медленно слипались. Конфета всё ещё была в руке, слегка расплавившись от тепла ладони.

Я провалилась в сон не сразу — сначала всё было как будто тёплым и мягким. Шелестящий полумрак, тёплый свет в веках, отдалённый голос Саши, превращающийся в неразборчивый шёпот. Я чувствовала себя лёгкой, почти невесомой. Будто не сидела за столом, а плыла где-то... где нет ни верха, ни низа.

А потом началось.

Сперва пришёл шум. Едва различимый — как ветер между деревьев, но не обычный ветер. Он как будто шептал слова. Слова я не понимала, но чувствовала, что они обо мне. Они звали меня.

Потом я очутилась в месте, которого никогда не видела — и в то же время знала его до дрожи.

Мост.

Старый, деревянный, прогнивший. Он висел над бездонной пропастью, по которой струился чёрный туман, будто живая ткань. Всё было серым, как будто цвет исчез из мира. Только мост и я. Я стояла в одной рубашке босиком, и доски под ногами холодили пятки. Но мне было не страшно. Только странно. Как в воспоминании, которое ты вот-вот вспомнишь.

Вдруг вдалеке появилась фигура. Женская. Плавно шагала по мосту — ко мне. Волосы длинные, развевающиеся, одежда светлая, лицо скрыто. Но сердце сжалось — я знала её. Я точно знала её.

— Кира, — сказала она. — Кира, ты вернулась?

Я открыла рот, чтобы ответить, но не смогла. Кира? Это я? Женщина подняла руку, как будто хотела дотронуться, но тут же исчезла. Растворилась в воздухе, как тень в солнечный день.

И тогда туман за спиной сгустился. Из него появился кто-то ещё. Высокий мужчина в чёрном. Его лицо я не видела, но глаза... глаза как два раскалённых угля. Он подошёл совсем близко и тихо сказал:

— Он снова рядом с тобой. Ты снова ему веришь.

— Кто ты? — выдавила я.

Он усмехнулся.

— Когда ты вспомнишь, будет поздно.

Тогда мост подо мной затрещал. Начал рушиться.

Я закричала, споткнулась, упала. Полет вниз был долгий. В ушах выл ветер, сердце бешено стучало, руки пытались ухватиться хоть за что-нибудь, но была только пустота...

И вдруг — свет.

Вспышка. Голос, как удар:

"НЕЕЕЕТ!"

И я проснулась. Резко, шумно, вся в поту.

Свет пробивался через окно. Утро. Всё спокойно.

Я села, тяжело дыша. Под ногами — пушистый ковёр. Комната. Я у Саши.

ГЛАВА 3

Прошло несколько дней.

Я уже могла прочитать короткие предложения — медленно, по слогам, но сама! Сейчас я лежала на диване, укутавшись в плед, и водила пальцем по строчкам тонкой детской книжки. На обложке нарисован весёлый ёжик с рюкзаком. «П-р-и-к-л-ю-ч-е-н-и-я е-ж-а Т-и-м-и», — прочитала я, гордо выпрямившись. Саша сказал, что надо начинать с простого. Мне даже нравилось.

Я уже собиралась перевернуть страницу, как дверь распахнулась и чуть не выбив дверь, в комнату ворвался Сашка. Глаза горели, волосы растрёпаны, и он выглядел так, будто нашёл сокровище.

— Кира! — выдохнул он. — Цирк! В город приехал цирк!

Я моргнула.

— Что это?

Он застыл, как будто я задала самый странный вопрос в мире.

— Ну... Цирк! Артисты, животные, акробаты, фокусы, хлопушки, сладкая вата! Ты обязана это увидеть!

Через полчаса мы уже шли по улице. Вдалеке над домами возвышался огромный полосатый шатёр — бело-красный, словно леденец. Рядом толпились люди, дети визжали от ра-

дости, музыка звала и пульсировала в воздухе. Я чувствовала, как сердце стучит быстрее.

— Это всё... для этого цирка? — прошептала я.

— Дааа, — кивнул Саша. — Добро пожаловать в волшебство.

Я не знала, что смотреть сначала: на ходулистов, разгуливающих среди толпы, или на огненных жонглёров. Над головой пролетели мыльные пузыри, внутри которых крутились огоньки. Как?!

— Ого... — только и смогла выдохнуть я.

А потом я увидела еду.

Шарики на палочках, яркие, как само солнце. Липкая сахарная вата — розовая, как облачко. Жареные орешки, тающие во рту. И что-то зелёное, круглое и дымящееся...

— Что это? — спросила я с опаской.

— О, это тебе понравится, — засмеялся Саша. — Осторожно, оно шипит!

Я сунула в рот крошечный кусочек... и тут же выплюнула. Он был острый, кислый, сладкий, щекочущий — всё сразу!

— Это живое! — вскрикнула я.

Саша покатился со смеху.

— Привыкай! В цирке всё немного... странное.

Мы ходили долго. Я смеялась, визжала от удивления, пряталась за Сашу, когда мимо прошёл человек в костюме огромного петуха, и визжала снова, когда фокусник достал кролика прямо из кармана ребёнка. Всё было чудом. Я забы-

вала дышать от восторга.

И где-то внутри... вдруг защемило.

Такое ощущение, будто я уже была в таком месте.

Смеялась, ела, радовалась. Но... с кем?

Я обернулась на Сашу. Он улыбался. Но как-то... слишком спокойно.

И на секунду мне показалось, что он уже знал, как я себя сейчас почувствую.

Я шагала рядом с Сашей, и каждый шаг открывал что-то новое. Повсюду вспыхивали краски, звучала музыка, смех, крики — целый шумный калейдоскоп, от которого кружилась голова.

Мы прошли мимо женщины в пышном блестящем платье, у которой в руках был попугай цвета радуги. Она предлагала погадать по перу. Я было остановилась, но Саша мягко потянул меня дальше.

— Ещё успеем, — сказал он. — Сначала — главное шоу.

— Главное? — я вскинула брови.

— Представление. Настоящее. Под куполом.

У входа в шатёр толпилось много людей, но всех быстро пропускали. Я всё ещё прижимала к груди длинную бумажную трубку с сахарной ватой — она слегка прилипла к пальцам, но была такой вкусной, что я не могла от неё оторваться.

Мы вошли внутрь, и свет резко изменился. Всё стало тусклым, приглушённым. Только сцена посередине — круглая арена — ярко освещалась. Я села на скамейку и сразу пода-

лась вперёд. Моё сердце билось чаще обычного.

Зазвучала музыка.

Сначала вышел клоун с белым лицом и огромным красным носом. Он делал глупости, прыгал, разливал воду, и дети смеялись до слёз. Потом — акробаты. Они летали в воздухе, как птицы. Один мужчина взобрался на узкую стойку и встал на руках — прямо на вершине.

— Он же упадёт! — прошептала я, сжав руку Саши.

— Нет, — тихо ответил он. — Он знает, что делает.

Было что-то завораживающее в этих людях. Они двигались, как будто нарушали правила... всего. Я не могла оторваться.

А потом вышла девушка в чёрном. Она крутила ленты, потом зажгла их. Пламя завивалось в воздухе, словно слушалось её. В какой-то момент она остановилась, и её глаза... встретились с моими.

Меня прошиб холодок.

— Кто это? — прошептала я.

— Актриса. Ты чего? — Саша выглядел слегка настороженно.

Я не ответила. Девушка отвернулась и продолжила номер.

Когда представление закончилось, я будто вышла из сна. Мы вышли из шатра, и вечер уже наползал на город. Свет фонарей стал ярче, воздух — прохладнее, музыка — тише. Толпы рассеивались.

Я шла молча, перебирая в уме образы. Огонь. Акробаты. Девушка. Её глаза.

— Эй, ты как? — Саша смотрел на меня в полутьме. — Тебе понравилось?

— Да, — я кивнула. — Очень. Просто... слишком.

Он усмехнулся.

— Цирк всегда такой.

Мы свернули в переулок, я поёжилась. Темнело быстро, и улицы становились всё тише. Я уже собиралась сказать, что пойду в сарай, как вдруг Саша остановился.

— Слушай... может, не пойдёшь туда? — Он почесал затылок. — Ну, в смысле, осталась бы у меня. Нормально же было?

Я замерла.

— Я не знаю...

— У меня есть диван. И ты не будешь мёрзнуть. И яичница утром. Только не обижайся, если она опять подгорит.

Я улыбнулась.

— Ладно.

И мы пошли домой. У Саши было тепло. Я скинула ботинки, села на диван и посмотрела на комнату. Полки с книгами, карты на стенах, старые баночки с надписями. Всё было странным... и уютным.

— Чудной у тебя дом, — пробормотала я, удивляясь, наверное, уже в сотый раз.

— Это ты еще кладовку не видела, — фыркнул он.

Я свернулась клубочком на диване, укрылась пледом.
Глаза закрывались сами собой.

— Спасибо, — прошептала я.

Саша не ответил. Он уже ушёл на кухню. А я уснула, и в ушах ещё звучала музыка цирка.

Кира лежала, погружаясь в глубокий сон, и мир вокруг постепенно рассеивался. В тишине её сознания возникло зеркало — огромное, словно портал, стоящее посреди пустого зала, освещённого лишь холодным лунным светом, пробивавшимся сквозь трещины в потолке. Оно казалось живым, мерцая и переливаясь оттенками синего и зелёного.

Подойдя к нему, Кира наклонилась ближе, и в отражении вместо привычного лица появилась девушка с длинными, струящимися волосами. Её уши были необычны — пушистые, словно у лисицы, а глаза светились мягким изумрудным светом, манящим и немного печальным. Она смотрела на Киру с удивлением и одновременно с глубокой грустью.

Медленно, словно растворяясь в тумане, фигура в зеркале начала рассказывать без слов — только мыслями и образами, которые кружились в голове Киры, вспышками и отрывками воспоминаний, которых не было в её настоящей памяти. Она видела сожжённые города, валяющиеся повсюду останки, опустевшие улицы и жалкие развалины.

И вдруг, среди пепла возник силуэт Саши, каким она не знала его раньше: светлый и жизнерадостный. Он шагал по

руинам, казалось, что он ищет что-то или кого-то, а затем подошёл к гигантскому зеркалу, похожему на то, что видела Кира.

Отражение в огромном зеркале снова было не её, а де-вушки с пушистым хвостом, напоминающим лист дерева, и глазами, наполненными силой и магией. Пушистая шерсть переливалась на свету, а глаза излучали зелёное свечение, словно в них заключалась сама природа.

Внезапно память, как поток весеннего ручья, хлынула в сознание Киры. Она вспомнила, как однажды её сила вырвалась из-под контроля и сожгла лес, оставив после себя только дым и угли. Вспомнила, как от её поступка пострадали близлежащие города и как она пыталась защитить Сашу любой ценой.

Но затем её видение сменилось — тёмные тени проникали в её мысли, и образ Саши изменился. Он перестал быть другом — в его взгляде появилась холодность и предательство. И в самый неожиданный момент, словно кинжал, пронзил её спину — острый, холодный, но невидимый.

Кира проснулась в холодном поту, сердце бешено колотилось. Вокруг было тихо, но в её голове ещё долго звучал крик: «Неет!!!»

ГЛАВА 4

Я открыла глаза, медленно возвращаясь из глубины сна. В комнате было тихо и прохладно, а первые лучи солнца про-

бивались сквозь занавески, рисуя на стенах бледные полосы света. Моё тело было тяжёлым, словно я только что вышла из долгого путешествия, а в голове ещё играли обрывки странных снов — зеркала, зелёные глаза и холодный кинжал в спине. Но медленно, я забывала необычный сон.

Повернув голову, я увидела Сашу, который сидел на краю дивана, уставившись в окно.

— Ты проснулась, — тихо сказал он, заметив, что я смотрю на него.

Я попыталась улыбнуться и кивнула:

— Да... Как ты знаешь, что я проснулась?

Он рассмеялся, лёгким и непринуждённым смехом, который сразу же согрел комнату.

— Я слышал, как ты вздохнула. Ты выглядела, как будто видела странный сон.

Я хотела сказать что-то, но слова застряли в горле. Вместо этого спросила:

— Когда будем завтракать?

— Я думал, что не будем сидеть дома, — ответил он, вставая. — Пойдём в кафе на площади. Там делают отличный кофе и свежие булочки. Пойдём гулять, а после можно зайти в антикварный магазин.

Я кивнула, чувствуя, как усталость постепенно уходит, уступая место лёгкому волнению.

Мы быстро собрались и вышли на улицу. Город встретил нас шумом и запахами. Мы шли неспешно, разговаривая о

том, что я видела во сне, хотя слова ещё не совсем складывались в осмысленные фразы.

Когда мы добрались до маленького уютного кафе, Саша заказал нам по чашке горячего кофе и тарелку свежей выпечки. Я с интересом наблюдала, как он общается с баристой, и как будто впитывала каждую деталь вокруг — запах свежесваренного кофе, мягкий свет свечей, теплую атмосферу.

— После завтрака я хотел бы показать тебе кое-что особенное, — сказал он, улыбаясь, — антикварный магазин неподалёку. Там много старых изданий и редких книг. Думаю, тебе понравится.

Я кивнула, чувствуя лёгкое волнение.

Мы вышли из кафе — сытые, довольные, в хорошем настроении. Солнце пробивалось сквозь узкие переулки, рисуя на камнях золотые полосы. Вокруг шумел город: кто-то смеялся, кто-то спорил, уличные музыканты брэнчали на гитаре и пели что-то весёлое. Всё было живым, тёплым, настоящим.

— Пойдём быстрее, — сказал Саша, оглядываясь и взяв меня за руку, будто боялся потерять. — Ты ведь любишь странные штуки?

— Обожаю! — я широко улыбнулась, уже предвкушая.

Мы свернули с главной улицы, и я вдруг поняла, что никогда не была в этой части города. Узкие улочки, мостовая из гладких, будто вылизанных временем камней, вывески, качающиеся от лёгкого ветра. И в самом конце переулка стоял магазин. Маленький, почти неприметный, но с витриной,

заваленной всякой стариной.

На дверях висел колокольчик, и он звякнул, когда мы вошли. Внутри пахло пылью, воском, старыми книгами и — почему-то — лесом. Будто всё здесь впитало в себя дыхание прошлого.

— Добро пожаловать, — мягко произнёс мужчина за стойкой. Он был старый, с белыми усами и глазами, как стекло. — Смотрите, трогайте, всё дышит историей.

Я сразу утонула в этом мире. На полках — часы, шкатулки, фигурки зверей, перья, амулеты, свечи, засушенные цветы. Где-то между всем этим — тонкие книги с затёртыми обложками, потемневшие зеркала, портреты незнакомцев. Всё казалось значимым. Как будто оно видело больше, чем я могла себе представить.

Моё внимание привлекло нечто маленькое и сверкающее. Я потянулась — и в руках оказалась брошь в виде листика. Он был тонким, золотистым, с зелёными прожилками и лёгким блеском, как будто в него была заключена капля живого света.

— Ух ты... — прошептала я. — Это... правда красиво.

— Ручная работа, — сказал продавец, подходя ближе. — Очень редкая вещица. Говорят, принадлежала девушке, что любила лес больше людей.

Я вздрогнула, не понимая — почему от этих слов внутри что-то болезненно дёрнулось.

— Я возьму её? — Я неуверенно посмотрела на Сашу.

— Конечно, — сказал он, легко. — Она тебе как будто и правда подходит.

— А ещё вот, — добавил продавец, порывшись в ящике под прилавком. — У нас принято дарить небольшие подарки первым покупателям.

Он протянул мне маленькое зеркальце — овальное, с металлической рамкой в виде узорчатых веточек. Оно напоминало зеркало из моего сна. Поверхность была идеально гладкой. Я осторожно подняла его.

И... застыла.

Девушка в зеркале имела уже знакомые мне длинные, расчёпанные волосы, странно блестящие глаза, и уши. Большие, пушистые, как у зверя. И за спиной у неё шевельнулся тонкий, гибкий хвост. Движение было еле уловимым — но я видела.

Я резко опустила зеркальце.

— Всё в порядке? — спросил Саша.

— Мне показалось, — пробормотала я. — Это... странно.

— Зеркала любят играть с воображением, — сказал старик-продавец, подмигнув. — Особенно такие.

Я не знала, что ответить. Просто кивнула и спрятала зеркальце в карман. Оно было странно тёплым.

Пока мы шли обратно, Саша болтал о чём-то, но я почти не слышала. У меня перед глазами всё ещё стояло это лицо девушки.

...Мы вернулись, когда на улицах уже зажглись фонари. Мягкий жёлтый свет ложился на мостовую, отражаясь в лужах после короткого дождя. Воздух был прохладным, но не холодным — таким, каким бывает только вечером в городе, полном магии, где воздух пахнет карамелью, древесиной и старой бумагой.

Саша, отперев дверь, сделал приглашающий жест, и я вошла первой. Дом встретил их тишиной, приятным полумраком и запахом корицы — будто он сам приготовился к вечеру.

— Ну что, ещё чаю? — спросил Саша, разуваясь и скидывая куртку на крючок. — Или, может, грушевый сидр?

— Чай, — сказала я, немного устало, но с улыбкой. — Сладкий.

— А я знал! — Саша фыркнул и пошёл на кухню.

Пока чайник закипал, они переоделись во что-то домашнее — Саша в мягкую кофту, я в уютный свитер, который он мне одолжил. Он был великоват, рукава болтались, но меня это только забавляло.

На кухне он поставил на стол пару кружек, печенье с корицей, нарезанные яблоки и маленькую баночку малинового варенья.

— Это ещё с лета. Сам собирал, между прочим, — сказал он с напускной гордостью.

Мы пили чай, болтали о всякой ерунде: о смешных вывесках в городе, о том, как я пыталась выговорить название

какого-то блюда в кафе, о странном продавце, что подарил мне зеркало и брошь. Я чувствовала себя спокойно — почти по-настоящему “дома”.

Когда чай закончился, Саша вдруг вытащил из шкафа коробку.

— Ну что, сыграем?

— Во что это? — я наклонилась, разглядывая коробку. — “Камешки судьбы”?

— Местная настолка. Смешная. Играют на предсказания. Можно проиграть, даже не начав, — он ухмыльнулся. — Поверим судьбе?

— Давай! — я с энтузиазмом плюхнулась на подушку у стола.

Мы играли долго. Смеялись. Придумывали нелепые предсказания. В какой-то момент я “предсказала” Саше, что он наступит на тыкву и станет принцем. Он изобразил страдание. Я упала со стула, хватаясь за живот. Было по-домашнему, тепло.

Потом — зевок. Ещё один. Я потянулась и прикрыла рот рукой.

— Кажется, я выдыхаюсь...

— Ну, давай, укладывайся. — Саша собрал коробку. — А я ещё посижу.

Я забралась на диван, снова под плед, повернулась на бок, и в какой-то момент он прикрыл мои плечи и уложил мягкую игрушку рядом. Без слов. Просто по-доброму.

Свет погас. Остался только тусклый у окна.

И тогда сон пришёл вновь.

Ночь, опустившаяся на город, была тихой, почти застывшей. В доме Саши горела лишь одна лампа в коридоре — приглушённый свет слабо освещал дверной косяк. Кира спала на диване, укрывшись пледом, её дыхание было ровным, но лоб блестел от влаги. Она ворочалась, сжимая в руках подушку, будто цепляясь за неё как за якорь в бушующем сне.

Сон пришёл не сразу, но когда он настиг, показался слишком знакомым. Как дежавю — только глубже, тревожнее, будто кто-то не просто повторял её сны, а каждый раз добавлял к ним ещё один слой.

Сначала — снова поле. Высокая сухая трава, будто покосившаяся под тяжестью времени. Только теперь Кира шла неуверенно. В прошлый раз она двигалась почти без мыслей, а теперь — с отчётливым, глухим страхом. Она помнила, что за этим идёт.

Трава обжигала щиколотки. В воздухе пахло гарью, как будто её уже было слишком много в этом мире.

Она знала, что найдёт. Город. Мёртвый, чёрный, выжженный.

Но в этот раз она заметила то, чего раньше не было.

Символы. Вырезанные, как будто когтями. Переплетения линий, похожие на корни деревьев и пульсирующие, будто дышащие. Она останавливалась, трогала один из них паль-

цами — и кожа заняла, будто от слабого ожога.

Когда она вышла на площадь, зеркало уже ждало.

Такое же — огромное, вытянутое, с таинственным орнаментом. Но теперь она заметила, что рамка была сделана не из дерева, а из живого материала — листьев, переплетённых вместе, будто часть древнего растения. Некоторые листья были медными, некоторые — будто хрустальные. Они тихо дрожали, издавая мелкий, звенящий звук, похожий на дыхание ветра в тишине.

И вновь — отражение. Девушка. С этими длинными, животными ушами, с тяжёлыми волосами и листовидным хвостом. Но теперь её глаза были... не просто зелёными. Они пылали, как изумруды, в которых отражались огонь, вода и ветер одновременно. Живые, древние, сильные.

Кира подошла ближе.

Девушка в зеркале тоже шагнула. Но теперь — она двигалась не синхронно. Отдельно. Как будто она была не её отражением, а кем-то другим. Существо, запертое в отражении, начинало проявляться по-настоящему.

Она открыла рот. Губы зашевелились.

В зеркале вдруг мелькнули образы — вспышки, как от молний: золотой лес, глаза Саши — другие, более жестокие, израненные руки, расплывающееся пламя. И снова — пепел.

Кира пошатнулась.

И в этот момент девушка в зеркале... улыбнулась. Улыбка была странной — не злобной, но печальной, как у того, кто

знает слишком много.

Кира потянулась к стеклу, но в этот раз не она — отражение схватило её руку.

И всё рухнуло.

Кира проснулась с громким вдохом, будто вынырнула из-под воды. Сердце стучало, в груди было тяжело. Всё тело покрылось мурашками, а в висках шумело. Плед сбился, и в комнате было прохладно.

На полу, у кровати, лежало зеркальце — то самое, которое ей подарили в антикварной лавке. Только... оно дрожало.

Словно что-то внутри него ещё не утихло.

Интерлюдия

В маленькой комнате с окнами, выходящими на густой лес, царил тёплая уютная атмосфера. От камина исходил нежный золотистый свет, мягко отражаясь на полках с книгами, на деревянном полу и на лицах двух маленьких мальчиков, которые увлечённо строили башню из деревянных кубиков. Их смех и радостные возгласы наполняли комнату живостью и светом.

— Папа, смотри, я сделал самый высокий замок! — восторженно воскликнул младший, поднимая стройные кубики выше и выше.

Мужчина, сидевший рядом в кресле, улыбнулся, наклонился, чтобы поправить пару неустойчивых деталей.

— Отлично! — ласково сказал он, глядя на сыновей. — Вот так, аккуратно, чтобы не упало.

Дети заулыбались и продолжили игру, выкрикивая друг другу имена героев, которые, казалось, оживали в их воображении.

В этот момент взгляд мужчины случайно упал на окно, через которое видно было густое темное дерево. В ночи оно выглядело почти чёрным, но внезапно что-то изменилось — в дали, далеко за лесом, вспыхнул слабый свет, который быстро стал ярче, заставляя ветви танцевать в пламени. Казалось, что огонь постепенно поглощает всю тьму.

Он замер, вдыхая холодный ночной воздух, и сердце его сжалось от тревоги.

— Это... лес... — выдохнул он.

Попытался привлечь внимание жены, которая сидела неподалёку, занимаясь рукоделием.

— Милена, посмотри в окно! — голос его дрогнул, — там огонь... лес горит!

Жена, не поднимая глаз от шитья, улыбнулась и ответила: — Это, наверное, костёр у соседей. Спокойно.

— Нет, — настойчиво сказал он, — это больше, это пожар. Мы должны предупредить деревню.

Он встал, подошёл к окну и пристально смотрел, как языки пламени поднимаются всё выше и выше, окрашивая ночное небо в зловещие оттенки красного и оранжевого.

— Дети, идите сюда, — позвал он, — мы должны соби-

раться, скоро надо покидать дом.

Мальчики замолкли, удивлённо взглянули на отца, а затем начали спешно собирать игрушки.

— Почему? — спросил старший, настороженно глядя на пылающий лес.

— Лес горит, — объяснил он мягко, — и нам нужно быть осторожными. Мы должны уехать в безопасное место.

Внутри всё дрожало от страха, но он старался не показывать этого, чтобы не пугать детей.

Однако никто из соседей не реагировал на его слова. Все продолжали занятия, как будто не замечая надвигающейся угрозы. Печаль и одиночество заполнили его душу.

Время шло, пламя приближалось, всё злее освещая окна домов.

Он, взяв сыновей за руки, решительно направился к выходу, чувствуя холодную тяжесть ответственности за всех, кто оказался в этом доме.

Ветер завыл, и его голос звучал всё громче, пытаясь донести предупреждение до каждого.

Пламя поглощало лес, а в его сердце росло понимание, что это только начало чего-то гораздо более страшного.

Но никто не верил его словам. Солнце ещё не зашло, и дым с далёкого леса казался всего лишь лёгкой дымкой, едва заметной на горизонте.

«Лес не горит, — говорили соседи, пожимая плечами. — Ты что, панику нагнетаешь?»

Он бежал от дома к дому, стучался в двери, хватал людей за руки, пытался вытащить из праздного отдыха.

«Пожар! Лес горит! Надо бежать!»

Но его голос тонул в смехе и недоверии. Люди упрямо не хотели поверить, ведь здесь, в их деревне, всегда всё было спокойно, и лес был их защитой.

Тогда он пошёл к старейшинам, к тем, кто всегда держал власть в своих руках.

Собравшись на площади, они смотрели на него с недоверием и скепсисом.

Он размахивал руками, указывая на небо, где уже клубы чёрного дыма становились всё плотнее, и огонь будто пожирал сам горизонт.

«Это не дым от костра, это пожар! Если мы не уйдём сейчас, то никто не спасётся!»

Старейшины переглянулись, и только один из них — седой, с глазами, полными мудрости и усталости — наконец заговорил:

«Если ты ошибаешься, и это всего лишь дым, то пусть так и будет. Но если ты прав — мы должны слушать тебя.»

С этими словами в воздухе повисла напряжённая тишина.

Наконец, жители начали собирать вещи, брать детей и уходило с площади.

Он помогал, поддерживал каждого, кто колебался, уговаривал тех, кто цеплялся за своё хозяйство и сомневался.

Когда последний из жителей был выведен из деревни, и

колёса повозок замолкли на дороге, он остался стоять среди пепла и дыма. Вокруг него огонь уже разъедал дома, превращая их в раскалённые кости и пепел.

Там, в красноватом мерцании пожара, он увидел её.

Она стояла на краю огня, но не сгорела. Её волосы пылали ярко-оранжевыми языками, словно сама она была рожденным пламенем. Хвост, что украшал её спину, превратился в огненный факел, а глаза — в светящиеся угли.

Она была и прекрасна, и страшна, одновременно.

Он не мог отвести взгляд.

Она посмотрела на него, и в её взгляде горело что-то глубокое — боль и предательство, смешанные с холодной решимостью.

Он чувствовал, что это не просто огонь, а нечто живое, осознанное.

И тогда он понял — всё это было сделано не случайно.

Что она — не просто лесная сущность, а нечто гораздо более могущественное и опасное.

Он хотел крикнуть, бежать, остановить этот ужас, но ноги словно приросли к земле.

В пламени отражались его страх и бессилие.

ГЛАВА 5

— Саша! — Я вбежала в комнату, размахивая тонкой книжкой в мягкой обложке. Она была пёстрая, вся в картинках — в основном с деревьями, ручьями и разноцветными

птицами. — Послушай! Тут написано, что прогулка по лесу — это как «разговор с землёй», представляешь?

Он сидел на полу, разбирая какие-то коробки с бумажками, но поднял на меня глаза. Лениво, но с интересом, как всегда. Потом приподнял бровь и отложил бумаги.

— Звучит поэтично, — заметил он, потянувшись. — А ты хочешь «поговорить»?

— Да! — Я всплеснула руками. — Там ещё пишут, что есть такие... пикники! Это когда берут еду, укладывают в корзинку и идут далеко-далеко, и там... всё едят! Под деревьями!

Саша рассмеялся, легко, тепло, с теми искорками в голосе, от которых у меня всегда становилось как-то легче на душе. Он встал и протянул руку к книжке.

— Дай-ка взглянуть, лесная путешественница. Показывай, где ты это вычитала.

Я ткнула пальцем в яркую страницу, где был нарисован человек с соломенной шляпой, сидящий у костра с бутербродом в руке. На фоне — деревья, ручей, зайцы в кустах и птица в воздухе. Саша поднёс книжку ближе к глазам, хмыкнул, а потом посмотрел на меня с тем самым прищуром, который значил: «ну всё, попалась».

— Значит, пикник, говоришь? — медленно протянул он. — Хорошо. Только с тебя — enthusiasm, как говорят. Бегать, собирать ягоды, удивляться каждой бабочке и громко восхищаться вкусом бутербродов.

— Обещаю! — Я подпрыгнула и хлопнула в ладоши. — Только... у нас есть корзинка?

— Конечно. Я использую её для... кое-чего, — он подмигнул. — Пойдём собирать припасы.

Мы вышли из дома только после того, как Саша собрал рюкзак с едой, плед, термос с чаем и несколько фруктов. Утро было прозрачным, и воздух пах тёплым солнцем, ещё не успевшим раскалить землю. Вокруг всё дышало жизнью: где-то рядом ворковали птицы, а вдали слышался тихий барабаниющий шум — то ли ручей, то ли ветер в ветвях.

— Пойдём по тропинке через поле, — предложил Саша, закрыв за нами дверь. — Она короче, чем через старую дорогу, но красивее.

Я глубоко вдохнула, наслаждаясь этим сладковатым ароматом трав и невиданных цветов, которые словно прятались у самой земли — настолько низко, что я чуть не коснулась их пальцами. Мы шагали рядом, оставляя за собой следы.

Тропа вела нас всё глубже и глубже в лес. Сначала казалось, что деревья стоят редко — совсем немного, словно приглашают нас зайти внутрь. Но чем дальше мы шли, тем гуще становился лес: высокие стволы, переплетённые ветви, перепонки света, пробивающегося сквозь листву. Каждое дерево казалось живым — не просто растением, а существом, которое слушало и ощущало нас.

— Смотри, — сказал Саша, указывая на группу грибов

под ветвями старого дуба. — Эти — съедобные. А те, что тёмные и блестящие, оставь лучше нетронутыми.

Мы шли, и мне казалось, что я попала в ту самую книгу, которую недавно прочитала. Саша шагал рядом, не торопясь, время от времени указывая на деревья, кусты, цветы — и рассказывал, будто лес был его старым другом.

— А это? — я наклонялась к крошечному сиреневому цветку.

— Медуница, — ответил Саша. — Её любят пчёлы.

— Конечно, с таким-то именем! — я улыbnулась. — Медуница... звучит, как имя какой-нибудь лесной феи.

— Саша, а это дерево как называется? — спросила я, показывая на раскидистый ствол, покрытый серо-зелёным мхом.

Он усмехнулся, не останавливаясь:

— Это бук. Старый, судя по толщине. Видишь, как кора неровная, будто в морщинах?

— Как лицо старика... — пробормотала я, улыбаясь. — Мне кажется, у него есть имя.

— У дерева?

— Почему бы и нет?

Мы рассмеялись.

Я подставила ладони солнечным лучам, пробивающимся сквозь крону. Всё здесь дышало. Шуршало, пело, пахло землёй, мхом, чем-то терпким и сладким.

Место для пикника оказалось сказочным. Мы вышли к

обрыву, под которым шумел водопад, струился по камням и пропадал внизу среди папоротников. Я ахнула, остановилась, не веря, что это настоящее. Вода падала вниз, касаясь камней, и его журчание напоминало мелодию, в которую хочется погрузиться. Рядом было достаточно сухих камней и плоских корней, чтобы устроить место для еды, а чуть дальше — мягкий мох, на котором так приятно сидеть.

— Тебе нравится? — спросил Саша.

Я лишь кивнула, не находя слов.

Я присела рядом, вытянув ноги, и позволила тёплому, но мягкому клевку ветра касаться своего лица. В воздухе было прохладно, но уютно — такой свежий запах бывает только рядом с водой, особенно когда вода холодная, а воздух — тёплый.

Саша с собой принёс домашнюю выпечку — пирожки с яблоками и творогом, бутерброды с сыром, термос с горячим малиновым чаем и несколько баночек с маринованными грибами и малосольными огурцами.

Я смотрела на всё это с каким-то детским восторгом.

— Мы что, на празднике?

— Пикник и должен быть праздником, — Саша подмигнул.

Мы сидели рядом, и он рассказывал, как отличать грибы, какие ягоды лучше не трогать, как кора берёзы помогает при укусах насекомых. Саша рассказывал, как в детстве его дед водил в лес собирать грибы, и показывал, где растут рыжи-

ки, а где — лисички. Я спрашивала, как отличать съедобные ягоды от ядовитых. Он рассказывал о грибах-зонтиках, про которые говорили, будто под ними живут лесные духи. Я слушала, затаив дыхание, как ребёнок, жадно впитывающий всё новое.

Мы ели медленно, словно пытаюсь запомнить каждый вкус: хрустящую корочку хлеба, сладкие ягоды, тёплый чай, слегка терпкий на языке. Я смотрела на водопад, а он — на меня, и мне казалось, что мы словно в книге, настолько всё было... идеально.

Потом я не выдержала:

— Слушай... давай поиграем?

— В лесу? Во что?

— В прятки! Ну, как дети! — рассмеялась я.

Он приподнял бровь, но кивнул:

— Ладно. Но только если ты не будешь убегать слишком далеко.

Я закрыла глаза и сосчитала до двадцати. Потом — пошла искать. Сначала слышала, как он хихикал где-то справа... потом — тишина. Я заглядывала за деревья, под кусты, даже поднялась на пенёк и огляделась. А потом... он неожиданно выскочил сзади и сказал:

— Бу!

Я подпрыгнула и закричала, смеясь.

Смешно — но сердце билось быстро, будто я ребенок.

Внезапно он куда-то пропал. Я искала его между сосна-

ми, заглядывала за кусты, звала по имени. Потом он выско-
чил из-за дерева и снова напугал меня — я подпрыгнула и
заревела от смеха. Мы играли, будто не было ни возраста,
ни забот, ни времени. Только лес, солнце, смех, дыхание и
лёгкость в груди.

Я ловила его, бежала, пряталась, путалась в ветках, а он
смеялся и подсказывал специально громко, где спрятался.

Мы менялись ролями, бегали между деревьями, ловили
друг друга, задыхаясь от смеха. Я не помнила, когда в по-
следний раз так смеялась — может, никогда?

Я спряталась за старый ствол с дуплом, прижавшись к ко-
ре, и затаив дыхание. Я видела, как Саша прошёл в паре ша-
гов, оглядываясь, и сдерживала смех. Один раз я спряталась
в кустах, но случайно задела сухую ветку, и Саша сразу ме-
ня нашёл. В другой раз он сел на пенёк и прикинулся, будто
устал искать, а когда я выскочила, он ловко её поймал.

Мы бегали вокруг деревьев, перепрыгивали через корни,
взбегали на мшистые холмики. Я засмеялась так сильно, что
не могла бежать дальше и просто упала в траву, раскинув
руки. Саша лёг рядом, глядя в просветы между листьями.
Он сказал, что если долго смотреть в небо сквозь листву, оно
начинает казаться морем.

Я устало растянулась на спине, глядя в небо, где первые
звёзды начинали мигать.

Саша развёл костёр. Пламя потрескивало, согревая руки и

лицо. Мы молчали, пили чай из котелка, и я ощущала внутри странную, сладкую тишину.

— Саша... — я посмотрела на него. — Это был идеальный день. Прямо как из книги.

Солнце надвигалось к закату, и лес стал окрашиваться в золотисто-оранжевые оттенки. Тени становились длиннее, и вода в водопаде отражала уже не только свет, но и тёплые краски неба. Внутри меня было покойно — как будто за это целый день я собирала тёплые крупички счастья, складывая их в свою память.

Мы аккуратно собрали плед, сложили остатки еды, и я невольно ещё раз оглянулась на место, где сидели. Эта поляна, шум воды, плед, смех — всё казалось частью некой особой истории, которую я обязательно хотела сохранить в себе навсегда...

Дорога домой была спокойной. Мы шли рядом, плечом к плечу, не спеша, слушая редкие звуки леса, который уже готовился ко сну. Лёгкая прохлада касалась щёк, и я думала о том, как хорошо просто быть — рядом, в лесу, с человеком, который разделил со мной этот день.

Когда мы наконец увидели огни города — первые фонари за изгибом дороги — я почувствовала, что сердце моё наполнено тем, что сложно назвать одним словом. И всё же, это было похоже на... желание хранить этот момент навсегда.

Когда мы вернулись домой, солнце уже совсем опустилось

за горизонт, оставив на небе тонкую алую кайму. Воздух в доме был прохладным и чуть пах деревом, как будто стены впитали в себя аромат леса, куда мы сегодня ходили.

Саша первым шагнул в гостиную и с грохотом рухнул на диван. Подушки разлетелись, а он издал протяжный, абсолютно довольный вздох:

— Ооох... я как мокрая тряпка. Устал так, как будто сам лес на плечах носил. Но, знаешь, это было круто. Спасибо, Кира.

Я села рядом, стягивая с ног ботинки и растирая икры. Мышцы приятно ныли, и внутри разливалось какое-то светлое, мягкое чувство. Как будто день удался. Даже не просто удался, а стал тёплым воспоминанием сразу, как только закончился.

— Может, сыграем в «Камушки судьбы»? — предложила я, взглянув на него. — Хочу снова.

Саша зажмурился, мотнул головой и пробормотал:

— Не-не-не, только не сегодня. Камушки подождут. У меня мозг в прятки ушёл ещё в лесу. Хочу просто — чай, душ и... всё. Спать.

Я засмеялась, легко ткнув его в плечо.

— Ладно, старичок. Тогда чай.

Мы пошли на кухню. Я вскипятила воду, а он достал баночку с душицей и мёдом. Запах разлился по комнате, тёплый, как объятие. Мы пили чай, сидя рядом за столом, болтая лениво — о том, как я пыталась прятаться за кустом, а

юбка застряла, как он чуть не упал в ручей, как бабочка села мне на нос, когда я считала звёзды на небе.

Это был один из тех редких вечеров, когда не хотелось ничего. Ни разгадывать тайны, ни спешить. Только сидеть. Только быть.

Позже, в своей мягкой пижаме, я устроилась на диване, укутавшись в плед. Подушки шуршали под головой. Где-то за стеной Саша бурчал что-то себе под нос, собираясь лечь. Я зевнула и прикрыла глаза.

— Наверное, опять кошмары... — прошептала я сама себе. — Как всегда.

И тут пришел сон.

Я стояла на лесной поляне. Всё было в движении. Деревья танцевали. Да-да, именно танцевали, покачиваясь, как вальсирующие пары. Листья тихо напевали песню про «три ложки варенья и полтора зонтика».

— Кира! — донёсся голос Саши. — Помидор убегает, держи его!

— Что?! — я развернулась.

Передо мной, подпрыгивая, мчался... термос. Но я отчётливо знала — это был помидор. Красный, блестящий, на маленьких смешных ножках. Он пытел, как старый чайник, и оглядывался на меня испуганно.

Я рванулась за ним, поскользываясь на смеющихся камнях. Они действительно хихикали у меня под ногами. Саша

тоже бежал, ухмыляясь:

— Если он дойдёт до водопада, нам конец! Это — Верховный Соусный Посланник!

Я не успела спросить, что это значит. Термос — то есть помидор — прыгнул в водопад. Вода взметнулась вверх, и из пены поднялось лицо... моркови. Морковь пела оперу.

— Я свободен! — рыдала она тенором. — Словно ветер в небесах!

Я задыхалась от смеха, и в этот момент Саша протянул мне огромный булыжник.

— Это кот. Он — наш корабль. Прыгай!

— В смысле... кот? — удивилась я.

— Быстрее! Он сейчас проголосует против капусты, и тогда будет поздно!

Я прыгнула. Всё вокруг превратилось в гигантскую кастрюлю. Небо кипело. Я вдруг оказалась в чайной чашке. Рядом сидел Саша в галстуке из макарон и читал книгу, в которой каждая страница была... моей пижамой.

— Ты правда думаешь, что сон должен быть логичным? — спросил он, прихлёбывая несуществующий суп.

Я не знала, что ответить, потому что чайная ложка начала кататься на коньках.

Когда я проснулась, потолок казался особенно белым. Я лежала, раскинув руки, и пыталась осознать: *что только что произошло?!*

Но... никакого ужаса. Только смех. Только тепло.

Всё же иногда мозг знает, что тебе нужно. Даже если это — термос, бегущий в водопад.

ГЛАВА 6

Я ещё не знала, что этот день станет одним из самых тяжёлых.

Я проснулась раньше рассвета. Комната была всё такая же — полутёмная, с мягкими тенями на стенах — но уже на мгновение показалось, что что-то изменилось. Сначала я подумала, что это просто остаток сна, того абсурдного видения с термосом-помидором и поющими грибами. Но стоило мне опереться на локоть и повернуться...

Я поняла, что Саши *нет*.

Я лежала несколько секунд, затаив дыхание, потому что сначала подумала: «Он просто ушёл на кухню... или в ванну...»

Но потом звук его дыхания не дошёл до меня.

Это был тот момент, когда внутри меня впервые появилось чувство, которое я не могла назвать иначе, как тревога.

Я села на край кровати, укрываясь одеялом, хотя в комнате было тепло. Мой взгляд остановился на том самом зеркальце, лежащем на тумбочке. Оно слегка поблёскивало под утренним светом, который пробивался сквозь занавески.

Я осторожно прикоснулась к нему, но каменная тишина отражения ответила мне пустотой.

«Он просто спит...» — я пробормотала, но слова не нашли подтверждения в воздухе.

Я встала, потянулась и надела свою самую тёплую кофту. В кухне на столе ещё стояла его кружка — чуть пахнувшая чаем и утренним лесом. Я поставила на плиту воду, поставила туда маленький заварочный чайник, словно это могло вернуть утра прошлых дней.

Когда чай закипел, я поставила две кружки — в одной был мой, в другой — пустота. Я налила себе тёплый напиток, взяла плед и устроилась возле окна.

За окном город просыпался. Люди выходили из домов, спеша по делам, уличные торговцы открывали лавки, в воздухе пахло свежим хлебом и жареным кофе. Как будто мир даже не знал, что внутри моего дома произошло что-то... странное.

Я смотрела на улицу, потягивая чай, и думала о Саше.

Что если он не вернётся?

Что если он просто исчез... навсегда?

Что вообще происходит?

Мои мысли плелись и запутывались, как лианы, обвивающие древнее дерево.

Наконец я встала, так и не заметив, как остыла моя кружка чая. Взяла зеркальце в карман и тихо вышла на улицу. Мне нужно было понять — это просто его прогулка? Или что-то серьёзное?

Я пила чай в маленьком кафе на углу — горячий и терп-

кий, с корицей и мёдом — и снова открывала книжки: про символы, про легенды, про магические зеркала, про хранителей леса.

Вечером, когда тени стали длиннее, я направилась обратно — к дому, где остались его ботинки, его халат, кружка, в которой никто уже не пил чай.

Я шла по знакомым улицам, но всё казалось странно тихим. Даже шумный базар, к которому я привыкла, встречал меня только отдалённым гулом голосов и редкими смехами.

Я заходила в магазины, смотрела на витрины — книги, плетёные корзины, изделия из дерева, картины... Но везде моё сердце было тяжёлым. Я словно ждала, что вот сейчас увижу знакомую фигуру Саши, который помахивает мне рукой и говорит: «Смотри, вот это гриб, а этот съедобный!»

Но его не было.

Я присела на скамейку возле фонтана. Вода тихо журчала, и мне вдруг стало ощущаться, что именно в шуме этого фонтана есть какой-то смысл, который я ещё не понимаю. Я закрыла глаза, слушая каждый булькающий всплеск воды, пытаюсь уловить что-то знакомое.

Потом я заглянула в ту библиотеку, где мы впервые с Сашей учились читать. Я брала книги с полки, не переступая порога, как будто в этих сторонах могла быть хотя бы часть ответа на мои вопросы.

Я открывала страницы, читала отрывки про леса, прогулки, древние обычаи. Но слова на страницах были обычными

— не теми, что шептались мне во сне... не теми, которые отражались в зеркальце.

И всё же я читала. Медленно, вслушиваясь в каждое слово, как будто попытка понять язык этих строк могла привести меня к истине.

Я переступила порог и замерла. В доме было совсем тихо. Пусто.

Я поставила на стол ещё одну чашку чая... напротив своей. И на мгновение прислушалась, будто он должен появиться за дверью, распахнув её и уронив старую кепку на пол.

Вместо этого — только я.

И зеркало, тихо поблёскивающее в уголке комнаты.

Я долго сидела, укутавшись в плед, снова держа в руках своё отражение.

Наконец я провалилась в сон.

Я уснула с ощущением тревоги, которое не покидало меня весь день. Но не было ни стонов, ни огня, ни жутких зеркал. Вместо кошмара... пришла странная чепуха. На первый взгляд.

Сначала мне снилось, будто я сижу на огромной мягкой тыкке, посреди лужайки, усеянной мягкими кленовыми листьями. Небо было зелёным, а облака — как белые котята, лениво плывущие над нами.

Рядом стоял Саша, в ярко-жёлтом плаще и с корзиной в руках. Он выглядел моложе, чем обычно, лет на пять, и смеялся, глядя на что-то вдали:

— Кира, держи его! Помидор убегает!

Я повернула голову и... да, прямо передо мной по траве неслась какая-то круглая штукавина. Только это был не помидор, а термос. Блестящий, с маленькими ножками и глазами. Он подпрыгивал, отплясывая какие-то странные танцы, и при этом... пел.

Да-да. Он пел фальшивым голосом:

“Я не томат, я не томат,
Я просто чай в броне объят,
Лес кипит — и я киплю,
Лей лимон, а я полью!”

Я зачем-то рванулась за ним, падая в прелые листья, из которых выросла целая лестница из грибов. Она уводила вниз — в подземную библиотеку. Я спустилась, и вдруг оказалась на озере. Но вместо воды — зеркало. Без единой ряби. Саша стоял на другом берегу и махал мне рукой, а я стояла на кромке этого зеркала-водоёма и видела в нём не себя.

Снова та девушка. Хвост как лист каштана, только теперь он светился мягким белым светом, как лунный огонь. Её волосы струились, как водопад, а глаза были ярче изумрудов. Она открывала рот, явно что-то говоря, но я не слышала ни звука. Только дрожь, только пульсацию в груди, будто сердце отзывалось на её слова. На лбу у неё не было никакого камня — вместо этого в волосах застрял маленький листок, словно забытый кем-то.

Вдруг зеркало задрожало. Девушка — я? — протянула ко

мне руку, как будто пытаюсь что-то передать...

И в этот момент из-за неё вырвался огонь. Но не пугающий, нет — этот был живым, будто танцующий. Он не жёлт — он звал.

Я шагнула ближе, и огонь поглотил всё — и Сашу, и зеркала, и траву, и термос, который, кстати, снова закричал:
— Береги свои чайные мечты!

Я проснулась от ощущения, что во сне было что-то важное.

Не просто бред, не нелепая чепуха — а что-то внутри... как будто стёртое, но всё ещё живое.

Сначала я не могла понять, где я.

Тёмная комната. Тепло под подушкой. Лёгкая тяжесть во лбу.

И это ощущение... как будто вчера я оставила свою часть где-то между сном и явью.

Мои глаза медленно привыкали к свету, проникающему сквозь занавески. Он был бледным, но тёплым — как будто утро шептало мне: «Это просто новый день». Но в груди всё кольнуло.

Саша...

— Он должен был быть здесь.

Я повернулась, ожидая услышать его дыхание, его мягкое сопение, которое всегда было рядом, когда он засыпал на диване.

Но вокруг — тишина.

Тишина была глубокой, почти осязаемой.

Я садилась на край кровати, согнув ноги, и на мгновение не могла выдавить из себя ни слова. Мои мысли были перепутаны словно лесная чаща: запутанные, густые, и каждое слово в них было наполнено тяжестью.

— Саша... — прошептала я, но ответом был только отзвук моего же голоса.

Я встала, медленно, осторожно, боясь, что дом вдруг исчезнет, как сон.

Кроки мои были тихими, как шаги кошки, но каждое касание пола отзывалось в голове: «Снова тишина».

На кухне на столе стояла его кружка.

Чуть сдвинутая, как будто он ставил её правой рукой, а потом быстро ушёл.

Пахла она — слабым ароматом чая, хвои и лёгкой теплоты.

Я поставила вторую кружку рядом — «на случай», — но в этот раз не было «кого случай ждать».

Окно было приоткрыто, и в комнату проникал запах свежего воздуха, как запах свободы. Мне почти захотелось вдохнуть до конца, но в груди остался пустой стук.

Я медленно нагнула голову и взяла в руки зеркальце. Тот самый подарок из антикварной лавки — переплетённый ветвями, листьями, словно живой кусок леса. Оно лежало на полке, почти незаметное, и я несколько раз касалась его, как

будто это могло привести меня к ответам.

Я посмотрела в него — сначала вроде было своё отражение: мои глаза, волосы, кожа... Но только отражение странно дрогнуло.

Словно в зеркале был легкий налёт другого мира — мерцание, словно воздух над горячим асфальтом, но спокойнее... и холоднее.

Я потрясла зеркальце, и оно слегка зазвенело, как крошечная колокольня, когда я им шевельнула.

В отражении появился лес. Я узнала его.

Это был тот же лес, где мы были вчера на пикнике... но теперь в нём горел огонь. Пламя не было ярко-красным — оно было словно серебристым, холодным, как взгляд того, кто ничего не боится.

Я отдернула руку, словно зеркало обожгло мне кожу.

Но мне хотелось ещё раз посмотреть...

Там в отражении показалась фигура.

Далекая. Не чёткая. Но я узнала походку.

И в этот момент в голове пронзительно зазвонил странный звук — не похожий на звон колокольчика. Скорее... как шорох ветвей, когда их трогает ветер, но одновременно напоминающий голос.

Я чуть прикрыла глаза.

И когда открыла снова — в зеркале уже никого не было.

Я вышла на улицу.

Город ещё спал. Лишь редкий прохожий шёл по мостовой, торопливо причёсывая мысли, словно непослушные волосы.

Прохладный воздух ласкал лицо, и в нём был аромат трав, камня и далеких лесов — будто мир за окном знал больше, чем я.

Я шла по улице, не зная, куда именно. По привычке — туда, где мы часто гуляли. Может быть, он вернётся туда...

Но город казался слишком большими.

Я зашла в то кафе, где мы пили чай после леса.

Бариста, увидев меня, улыбнулся:

— Утро доброе!

— Доброе, — ответила я тихо. — Два чая, пожалуйста.

С корицей.

Я поняла, что говорю это быстрее, чем сама успела подумать. Снова этот запах... корица, мёд, тепло.

Я села у окна. Взяла кружку в руки. Она была тёплая, как память о вчерашнем дне.

Я смотрела на улицу — на прохожих, на людей, которые не знали ни меня, ни Саши.

И вдруг почувствовала тёплую ноту внутри — не тревогу, а странную надежду.

Как будто пропажа Саши — не конец.

Как будто это открытая дверь.

Я вернулась домой только после того, как солнце начало заходить.

И в окне мелькнуло движение — не человек, а тень — такая узкая, длинная, как от ветки дерева на закате.

Моё сердце опять застучало.

Я поднялась наверх, подошла к зеркальцу... и впервые решила посмотреть не на своё лицо, а внутрь отражения.

В зеркале снова был тот лес — только теперь внутри не огонь, а луна, отражённая в спокойной воде.

И я услышала голос, тихий, словно шелест листьев...

ГЛАВА 7

Саша вернулся утром, будто бы и не уходил вовсе. Он вошёл в дом, легко, как всегда, с чуть сонной улыбкой на губах и слегка растрёпанными волосами. На нём была та же рубашка, в которой он исчез, только чуть измятая, как будто он в ней и спал. Он глянул на меня, как на старую знакомую, которую видел только вчера, и сказал, усаживаясь за стол:

— Прости, что пропал. Дела были. Всё хорошо.

Я молча кивнула, наблюдая за ним исподтишка. Что-то в нём... изменилось? Неуловимо, почти незаметно. Он был прежним. Но не совсем. Он не стал другим человеком — скорее, стал словно бы... смазанным, будто тенью самого себя. Я знала каждое его движение, каждый жест, каждый смешок. А тут — он моргнул слишком долго. Улыбнулся — слишком широко. Глянул на меня — и я почувствовала холодок, пробежавший по позвоночнику.

Я наливала чай, а взгляд всё возвращался к зеркальцу, что

лежало на подоконнике. Его серебристая оправа словно бы поблёскивала чуть сильнее, чем обычно. Будто... ждала, когда я возьму его в руки.

Когда Саша ушёл в душ, я схватила его.

Я подошла к двери его комнаты. Просто посмотреть. Просто убедиться. Подняла зеркальце — и дыхание перехватило.

В отражении кровать была не такой, как я её видела до этого. Она была покрыта тонкой дымкой, словно паром, который почти сразу исчезал, если смотреть напрямую. Но в зеркале он пульсировал, тянулся вверх от подушки и растворялся в воздухе.

Я шагнула ближе. Подняла зеркало к полке с книгами — и почти вскрикнула.

На корешке старой книги, где раньше было просто: *Сказки западного леса*, теперь проступили символы. Извивающиеся, как чернила в воде. Я не знала их, но они будто... шептали мне. Говорили, дышали.

Я опустила зеркало. Всё исчезло. Обычная книга.

Подняла снова — руны вернулись.

Я подошла к окну. Через стекло за окном, в отражении, вместо деревьев — огоньки, как в глубине озера. И в них отражалось моё лицо. Но не совсем моё. Чуть удлинённое, чуть неестественно светящееся. Уши — длиннее? Нет, показалось...

— Ты чего там? — голос Саши, бодрый, с оттенком смеха,

вернул меня в реальность.

Я вздрогнула, резко убрав зеркальце.

— Да так, — отозвалась я. — Просто... смотрела.

Он вошёл, вытирая волосы полотенцем. Всё такой же Саша.

Но зеркальце всё ещё пульсировало в моей ладони. И я чувствовала, что оно видит его не так, как я.

Мы сели пить чай. Я старалась вести себя спокойно, как обычно. Но рука постоянно тянулась к карману, где лежало это странное, будто живое зеркало.

— Устала без меня? — подмигнул он.

Я улыбнулась.

— Немного.

Он рассказывал, что просто ездил в соседний город — дела, мол, ничего особенного. Я слушала. Но каждое его слово казалось мне чужим. Как будто он повторял заученный текст.

Я подожду, пока он уснёт — и взгляну в зеркало снова. Ведь что бы это ни было... теперь оно показывает правду.

И, может быть, Саша — вовсе не тот, за кого себя выдаёт.

Саша, тяжело вздохнув и расслабившись, просто рухнул на диван посреди комнаты, будто вся его энергия испарилась за одну минуту. Он закрыл глаза, откинулся на мягкую подушку и тихо пробормотал:

— Сегодняшний день был действительно тяжелым... Я

просто хочу немного полежать.

Я стояла в стороне, наблюдая за ним. Он казался таким уставшим и одновременно каким-то спокойным — это было редкое состояние для него, ведь обычно он будто бы был постоянно в движении, неустанно куда-то шел, что-то делал.

Тихо, почти бесшумно, я взяла зеркало, что стояло на полке, и подкралась к дивану. Сердце мое стучало чуть быстрее — не хотелось его тревожить. Я остановилась рядом, держа зеркало так, чтобы видеть не только отражение комнаты, но и Сашу в нем.

Сначала в зеркале было все как обычно: моё лицо, его силуэт на диване. Но, когда я стала смотреть пристальнее, что-то начало меняться.

Отражение Саши в зеркале словно затуманилось, контуры его лица начали расплываться, а затем резко изменились. Лицо его стало другим — более молодым, словно отражение вернулось в прошлое, а глаза наполнились глубокой грустью и усталостью, которой раньше я не замечала.

Затем, будто словно из глубины зеркала, начали появляться другие лица — сначала едва различимые, а потом всё более отчетливые. Там возникло лицо старика с морщинистым лбом, который смотрел на меня глазами, полными сожаления и боли. Рядом с ним — молодая женщина с длинными тёмными волосами и грустным выражением. Они смотрели на меня, будто пытаясь что-то сказать, но их голоса растворялись в воздухе, не находя выхода наружу.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это было не просто отражение, а что-то гораздо большее. Какая-то древняя память, чьи-то души, истории, спрятанные внутри этого зеркала. Лица сменялись одно за другим, напоминая череду кадров из старого кино, где каждый миг — это история, которую нужно понять.

Мое дыхание стало чаще, сердце колотилось так, будто вот-вот выскочит из груди. Мне казалось, что если я отвернусь, то упущу что-то важное, что вот сейчас, прямо здесь, откроется тайна, которая изменит всё.

Внимательно наблюдая, я заметила странные движения предметов вокруг: книги на полках слегка смещались, как будто подчиняясь невидимой руке; на страницах появлялись непонятные символы, которые я не могла прочесть, но ощущала их значимость.

Тонкий свет зеркала отражался в глазах этих лиц, и я поняла — это зеркало не просто предмет. Оно словно окно в другой мир, где переплетаются судьбы, воспоминания и тайны.

Саша на диване тихо дышал, иногда моргал, не подозревая, что его отражение — далеко не то, чем кажется. Его облик в зеркале менялся, становясь то молодым, то старым, будто время для него растекалось в потоке воспоминаний.

Я едва могла отвести взгляд, когда внезапно увидела, как в отражении появляется маленький силуэт — тот самый, что всегда тихо наблюдал за нами издалека. Он стоял неподвиж-

но, с горящими глазами, и в его взгляде читалась тревога.

Сердце сжалось — кто же он? Что за тайна скрыта в этом зеркале? Почему оно реагирует именно так на Сашу? И что будет со мной, если я попытаюсь узнать больше?

Неожиданно я почувствовала, что комната вокруг меня словно начинает кружиться, и зеркало будто втягивает меня внутрь. Холодный ветер прошел по коже, и я вздрогнула.

Тут же Саша проснулся и, открыв глаза, увидел меня, стоящую с зеркалом в руках, с широко раскрытыми глазами.

— Ты в порядке? — спросил он, садясь рядом. — Ты выглядишь, будто видела призраков.

Я попыталась улыбнуться, но знала, что это только начало чего-то гораздо большего — загадки, которая раскроется не сразу, но изменит всё.

Дом погрузился в вечернюю тишину. Мы с Сашей наконец-то вернулись после долгого, утомительного дня, наполненного прогулками и разговорами. Он с размаху упал на диван, расслабленно развалившись, и первым делом пробормотал:

— Уф... Сегодня я ужасно устал, но, честно говоря, было весело.

Я наблюдала за ним из угла комнаты, чувствуя в душе странное напряжение, которое не давало расслабиться. Казалось, что в его усталости есть что-то большее, что-то, что он не хочет высказывать вслух.

— Пойдём ужинать? — позвал он спустя минуту, потягиваясь, словно хотел сбросить остатки усталости с плеч.

Но я, отводя взгляд, тихо ответила:

— Нет... Сегодня я не хочу.

Он настороженно посмотрел на меня, в глазах промелькнула легкая тревога. Я понимала, что он хотел бы, чтобы я была рядом, но мне не хотелось выходить из своей зоны — зоны сомнений, страха и непонятных ощущений.

— Почему? — спросил он мягко.

— Не знаю... — я выдохнула, пытаюсь справиться с внутренним смятением. — Просто... не могу.

Саша вздохнул, словно собираясь с силами, и сказал:

— Ладно. Может, ты хочешь, чтобы я принял душ? А потом лег спать.

— Да, — кивнула я, наблюдая, как он встает и уходит в ванную.

Тишина заполнила комнату, и я осталась одна, на кухне, с чашкой горячего чая в руках. Пар клубился над поверхностью, наполняя пространство тонким ароматом трав. Я устроилась у окна, глядя на мерцающий огнями город — тот самый город, где мы сегодня так много гуляли.

В памяти всплывали моменты: смех Саши, его рассказы о лесных ягодах и грибах, догонялки и прятки среди деревьев. Я представляла, как он указывал на разные растения, делился тайнами природы, словно было это что-то священное для него.

Но теперь все казалось далёким, словно я смотрю на прошлую жизнь через мутное стекло.

Слёзы, казалось, сами собой начали течь по щекам, я не могла их сдержать. В горле стоял комок, а в сердце — бездонная пустота. Я шептала себе:

— Где ты, Саша? Где настоящий ты? Почему я не могу тебя найти?

Постепенно веки становились тяжелыми, и я позволила себе погрузиться в сон, надеясь, что он принесет покой.

Но сон был совсем не тем, что я ожидала.

Перед моими глазами развернулся бескрайний лабиринт из зеркал — сотни, тысячи блестящих искажённых отражений, все они таили в себе загадки и тайны. Я шагала между ними, каждое движение отдавало холодом стекла.

В каждом зеркале мелькали разные лица — одни были знакомы, другие — пугающе чуждые. Одни улыбались, другие плакали, третьи просто смотрели на меня с бездушным холодом.

Я старалась найти отражение Саши, но оно постоянно ускользало, менялось, искажалось. Голоса шептали вокруг, но слова были нечёткими, словно сквозь густой туман.

Вдруг я услышала знакомый крик — это был голос Саши, но он был искажён, холоден:

— Кира... держи его! Помидор убегает!

Я повернула голову и увидела, как передо мной мчится термос — маленький, прыгающий и поющий. Он беззаботно

скользил к водопаду, издавая звуки, которые не имели смысла, но казались странно знакомыми.

Сердце бешено колотилось, и я с трудом делала шаги по лабиринту, пытаясь догнать этот термос, но отражения вокруг меня стали ещё более хаотичными и пугающими.

Я протянула руку к одному из зеркал — поверхность была холодной, словно живая. Она слегка дрожала под пальцами, отражая мои собственные страхи и сомнения.

Внезапно я проснулась, охваченная тревогой и холодным потом. Сердце билось так сильно, что казалось, сейчас выскочит из груди. Всё тело дрожало, а разум пытался осознать увиденное.

Я лежала в темноте, слушая, как тихо капает вода в другой комнате — Саша принял душ и уже спит. А кран не закрыл...

Ночь была густой и тёмной, словно плотная ткань, которая окутывала город и его окрестности, скрывая их от глаз посторонних. Я сидела на диване, слушая, как равномерно дышит Саша, и вдруг ощутила странное беспокойство, которое не давало мне покоя. Его лицо, казалось, словно слегка изменилось, стало каким-то чужим и непостижимым. «Нет, — прошептала я себе, — это не Саша. Я с этим не смирюсь.»

Резко вскочив, я надела куртку, туфли зазаскрипели по полу, и я вышла на холодный воздух. Ветер, обдавая лицо и волосы, казался шёпотом, который направлял меня. Луна, скрытая облаками, едва освещала дорогу, и каждый шаг отдавался тихим эхом в ночной тишине.

Я шла, чувствуя, как земля под ногами становится всё мягче и влажнее. Воздух наполнялся запахом мокрой травы, хвои и далёких цветов, которые ночью казались особенно пряными и сладкими. Лес был живым — шелест листвы, скрип веток, негромкий плеск воды где-то впереди создавали ощущение, что он наблюдает за мной.

Вскоре я добралась до водопада — места, что казалось мне родным и одновременно загадочным. В свете луны струи воды блестели, словно сотни тысяч крошечных звёзд падали вниз, создавая сказочную музыку. Рядом, среди мха и ветвей, я заметила знакомое сияние — зеркало. Оно стояло, словно часть природы, переплетаясь с ветвями и листьями, переливаясь живым, зелёным светом.

Подойдя ближе, я увидела, что зеркало — это не просто стекло, а нечто волшебное. Его рама была из переплетённых листьев и тонких веток, которые словно дышали. Я протянула руку и коснулась поверхности. Холодный, гладкий блеск отозвался в пальцах лёгким вибрированием, будто зеркало живое и ждёт.

Собрав всю решимость, я сделала шаг вперёд — и внезапно земля исчезла из-под ног. Меня захлестнула волна прохлады, и я почувствовала, как падаю в бездну, теряя ощущение времени и пространства. Вокруг меня всплывали расплывчатые образы, шепоты и тени, а сердце колотилось всё быстрее.

Но вдруг я очнулась — снова на диване, в своей комнате,

с холодным потом на лбу и учащённым дыханием. Почему я здесь? Был ли это сон? Или зеркало — портал в другую реальность?

В голове бродили вопросы и тревоги, но где-то глубоко внутри я знала — это только начало. И чтобы понять истину, мне придётся вернуться в лес, туда, где ночь и зеркало сплелись в одну тайну.

ГЛАВА 8

Утро началось не так, как хотелось бы. Саша, с явным намерением порадовать меня, решил приготовить завтрак. Я слышала, как он суетился на кухне, перебирал кастрюли, ножи, какие-то продукты. Я сидела на диване, наблюдая за его стараниями, улыбаясь, но внутри чувствовала, что что-то идёт не так. Вскоре запах подгорелого хлеба и яиц разнёсся по квартире — Саша постарался, но что-то опять сгорело. Он с досадой махнул рукой и признался: «Похоже, кулинария — это не моё». Я попыталась не расстраиваться, ведь главное — его желание сделать что-то для меня.

— Давай, может, просто сходим в кафе? — предложил он, сквозь лёгкую улыбку.

— Отличная идея, — согласилась я, чувствуя, что смена обстановки пойдёт нам на пользу.

Мы быстро собрались и вышли на улицу. Утро было свежим, воздух прохладным и слегка влажным от раннего тумана, который уже начал рассеиваться. По дороге мы разго-

варивали о пустяках — о том, как я вчера читала книгу, а он рассказывал про смешные случаи из своего детства. Эти мелочи успокаивали меня, заставляли забыть о тревогах.

Мы шли медленно, наслаждаясь неспешным ритмом утра. Наконец, дошли до нашего любимого кафе — небольшого, уютного, с большими окнами, через которые внутрь проникало тёплое солнце. Улыбка появлялась сама собой, когда мы ступали внутрь, и знакомый аромат кофе и свежей выпечки обволакивал меня.

Мы заняли столик у окна, чтобы наблюдать за городом, пробуждающимся после ночи. Саша уже знал, что заказать — его фирменный латте с корицей и нежный круассан. Я же выбирала между горячим шоколадом и фруктовым чаем. Официантка, знакомая нам по имени, улыбнулась, когда подошла принять заказ, и поинтересовалась, как у нас дела.

Пока ждали, мы спокойно разговаривали. Саша рассказывал, как на днях заметил необычное дерево в парке и пытался разглядеть его ягоды, а я делилась мыслями о книге, которая меня захватила. В каждом его слове звучала забота, и в глазах читалась усталость — как будто он пытался нести на себе что-то тяжёлое, но при этом не желал беспокоить меня.

Когда принесли еду, мы наслаждались каждым кусочком: нежным круассаном, который хрустел снаружи и был мягким внутри, ароматным кофе с лёгкой пенкой и шоколадом, растекающимся по губам. Саша весело шутил, подмигивая мне, и я, смеясь, ловила эти моменты — как ценные жемчу-

жины.

Мы играли в шуточные игры — он пытался прятать последний кусочек пирога, а я смешно пыталась его поймать. Мы смеялись, словно дети, забыв обо всём на свете.

В какой-то момент Саша встал, сказав, что пойдёт помыть руки. Я осталась одна, наблюдая за проходящими мимо людьми, вспоминая всё, что было недавно — наши прогулки, разговоры, то ощущение лёгкости и тревоги одновременно.

Официантка подошла ко мне тихо и спросила, не болен ли Саша, потому что он выглядел немного уставшим и каким-то другим. Я ответила уклончиво, не желая вдаваться в подробности, но в глубине души понимала, что что-то действительно изменилось.

Саша вернулся, и мы допили кофе, ещё немного поболтали, а потом решили, что пора возвращаться домой. Мы вышли на улицу, держась за руки и я ощутила, как нежный ветерок ласкает лицо, унося с собой тревоги.

Это утро в кафе стало для меня маленьким островком покоя и счастья, которого мне сейчас так не хватало. Но где-то внутри меня тлело чувство, что впереди ждут тяжкие времена.

Саша предложил немного прогуляться — день только клонился к закату, и воздух был наполнен чем-то особенным, почти шепчущим. Мы прошлись по аллее, мимо тихого пруда с лениво покачивающимися лилиями, и постепенно

свернули в сторону леса.

— Хочешь в ту сторону? — спросил он, указывая на знакомую тропинку.

— Ага... — кивнула я, неуверенно улыбаясь.

Лес встретил нас густым шорохом листвы. Мы шли вдвоём, но молчали. Он шёл немного впереди, срывая с веток сухие листья, иногда наклоняясь к мху, что-то рассматривая.

— Я, пожалуй, тут останусь, — сказал Саша, присев у корней старого дерева. — Тут грибное место. Хочешь — прогуляйся ещё немного. Только не заходи слишком глубоко, ладно?

Я кивнула и, оставив его за спиной, направилась по тропинке, зная, куда она приведёт. Всё внутри меня уже знало.

Шаги по опавшим листьям звучали слишком громко. Сердце билось так, будто что-то важное приближалось. Сквозь деревья пробивались последние лучи — золото и янтарь, разлитые в воздухе.

Водопад был всё таким же. Мощный. Шумный. И всё же — сегодня он казался тише. Я подошла ближе.

И тогда я увидела его.

Зеркало.

Точно такое, как во сне. Оно стояло на выступе у самого водопада, как будто проросло из земли. Ветви, обвивающие его края, шевелились, будто дышали. А в центре — ни отражения, ни света. Только густая серебряная глубина.

Я сделала шаг ближе. Протянула руку. Зеркало вспыхнуло.

Ослепительный луч света выстрелил из его центра, пронзая лес. Он был не яркий — он был живой. Я инстинктивно шагнула за ним. Ступила прямо на мох, освещённый этим светом. Лес вокруг будто расступился. Передо мной раскрылась тропа.

Но не обычная.

Это была Тропа Зеркал.

Я не знала, как описать её — она словно состояла из отражений, образов, шепотов. Зеркала по краям дрожали, как гладь воды. И в каждом я видела что-то своё. Одно — мой смех, когда я держала воздушного змея. Другое — сгоревший лес, по которому шёл незнакомец. В третьем — Саша. Но не такой, каким я знала его. Он стоял в каком-то зале, со спиной ко мне, и от него исходило ощущение тревоги.

Я вглядывалась в каждое зеркало, сердце замирало. Но чем дальше я шла, тем холоднее становился воздух. Тропа заворачивалась, будто приглашая вглубь.

Что это за место?

Я сделала ещё один шаг — и вдруг зеркало слева засветилось багрово. Я резко остановилась. Внутри — моя тень, но с огненно-красными глазами.

Я развернулась — и побежала назад. Тропа дрожала под ногами, зеркала гудели, как будто обиженные тем, что я отвернулась от них.

Я выскочила на прежнюю тропу леса и отдышалась.

Никакого водопада. Никакого зеркала.

Только тишина. И где-то вдалеке голос Саши, зовущий меня:

— Кира? Ты где? Я нашёл белый гриб, он будто нарисован!

Я закрыла глаза, пытаюсь поверить, что всё это — просто иллюзия. Но сердце не соглашалось. Я что-то нашла. Или — оно нашло меня.

Мы шли обратно, и, казалось, солнце стало тусклее, чем было. Лес, такой живой ещё час назад, теперь казался пустым, почти вымершим. Я шла рядом с Сашей, но тело дрожало изнутри. Пальцы мерзли, хотя не было холодно. Под ногами хрустели листья, и каждый шаг будто отдавался эхом в моей груди.

— Представляешь, — начал Саша, будто ничего не произошло. — Я нашёл такие странные ягоды! Вон, глянь, — он вытянул руку, показывая мне небольшую веточку, усыпанную чёрно-синими бусинами. — Сначала подумал, что это воронец, но форма немного другая. Интересно, съедобные или нет?

Я кивнула, не глядя. Всё казалось каким-то далёким. Он продолжал говорить, увлечённо:

— А ещё я видел грибы, ну, такие, как будто под шапкой мох растёт. Никогда таких не встречал. Один даже был по-

хож на корону — прикинь, как будто кто-то специально вырезал! Думаю, если бы мы с тобой остались подольше, нашли бы ещё больше.

Я украдкой взглянула на него.

Он шёл легко, весело, чуть рассеянно. Его голос был знакомый, тёплый. И всё же... внутри меня холод сковывал ребра. После того, что я увидела у водопада — зеркало, тропу, отражения — я не могла смотреть на него так, как раньше. Я не знала... *он ли это*.

— Слушай, — продолжал он, — может, завтра сходим на другую тропу? Там, где старые ели, ты помнишь? Я когда-то там видел белок с чёрными хвостами. Это было давно, но вдруг повезёт снова.

— Угу, — выдохнула я, чувствуя, как слова еле протискиваются сквозь горло.

— Ты не замёрзла? — вдруг обернулся он. — Ты какая-то бледная.

— Нет... всё нормально, — прошептала я. И тут же почувствовала, как щёки заливают жар — от страха, от лжи.

Он кивнул, не вникая. Пошёл дальше, увлечённо рассказывая:

— А ещё я заметил у корней одного дерева странный след, как будто лапа, но не лисья и не барсучья. Такая... вытянутая. Интересно, может, кто-то новый завёлся? Или это тот леший, про которого старик в деревне рассказывал? Ха-ха!

Я снова не ответила.

Мы вышли из леса, и вечернее солнце плавно растекалось по дороге. Слева покачивались травы, впереди — мелькали крыши деревни. Всё было как всегда. И всё было *не так*.

Я шла, слыша его голос, чувствовала рядом тепло его руки — и всё же мне хотелось убежать. Куда угодно. Только не рядом с ним. Не сейчас.

Но я продолжала идти.

Мы почти подошли к дому, когда Саша вдруг повернулся ко мне, улыбнулся как-то... странно. Не той своей мягкой, тёплой улыбкой, к которой я привыкла. А чужой. Натянутой. Пустой.

— Кира... ты ведь всё понимаешь, да? — тихо сказал он.

Я остановилась.

— Что... ты сказал?

Он снова посмотрел, как будто сквозь меня, и произнёс что-то ещё. Я услышала, как шевельнулись его губы, как дрогнул голос, но... слова не дошли.

Будто кто-то выключил звук. Будто всё вокруг разом поглотила плотная, вязкая тишина. Я пыталась понять, что он сказал, вглядывалась в него, но уши звенели, и тело наливалось свинцом.

— Саша... — я прошептала, но язык заплетался.

Мир резко накренился. Воздух стал тяжёлым. Всё поплыло перед глазами — трава, тропинка, фигура Саши... Я не чувствовала, как упала. Лишь в последнюю долю секунды,

прежде чем провалиться, ощутила, как земля уходит из-под ног.

Темнота.

Полная, всепоглощающая. Ни звука, ни ощущения тела. Только я. Где-то внутри пустоты.

И вдруг — мягкое свечение. Передо мной вырастают три зеркала. Каждое будто повисает в воздухе, словно их держит сама тьма. Они покачиваются медленно, будто дышат.

Я делаю шаг — не зная, как, ведь ног не чувствую — и подхожу к первому.

В первом зеркале — я и Саша. Мы сидим у водопада, он обнимает меня, а я смеюсь. Смеюсь так свободно, искренне. Улыбка до ушей, глаза сияют. Всё наполнено светом, смехом, какой-то тихой радостью. В отражении — мы счастливы.

Я делаю шаг ко второму.

Во втором — девушка с зелёными волосами. Они спадают по плечам, мягко выются, словно трава на ветру. Кожа её светится, как будто она сама из света. Она улыбается — широко, тепло, с каким-то наивным детским восхищением. Глаза сияют зелёным. В них — жизнь. Природа. Надежда.

Она смотрит прямо на меня, и я чувствую, будто мы давно знакомы. Как будто она часть меня, которую я забыла.

Я поворачиваюсь к третьему.

Третье зеркало... красное. От него веет жаром. В нём — другая девушка. Волосы огненно-рыжие, развеваются, буд-

то в пламени. Кожа чуть темнее, на лбу — будто слабый отблеск чего-то тлеющего. Она стоит неподвижно, глаза полны... ярости, боли, злости. Она смотрит на меня в упор, и в её взгляде — обвинение. Как будто я — предатель. Как будто я её подвела.

Губы её кривятся в почти незаметной усмешке. Уголки дрожат, и взгляд — не просто злой, а разбитый.

И в эту секунду я чувствую, как зеркала начинают *пульсировать*, словно сердца. Они мерцают. Пространство вокруг колыхается, как воздух над огнём. Внутри меня поднимается страх, но и... вопрос.

Кто эти девушки? Почему я вижу их?

Почему *я* — в каждом из них?

Я делаю шаг назад, и зеркала тут же исчезают, словно их никогда не было.

И в следующую секунду — я просыпаюсь.

На полу, в коридоре. С холодной испариной на лбу. В ушах — тишина.

Из комнаты Саши слышно, как кто-то дышит.

Но... я боюсь туда заходить.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Ночь окутывала лес плотным бархатом темноты, звёзды прятались за тучами, и даже луна почти не освещала тропу. Охотник, крепкий мужчина средних лет с усталым, но решительным взглядом, осторожно ступал по мягкой подстилке

из опавших листьев. В руках у него был ружьё — холодный металл слегка блестел в свете редких светлячков. Его дыхание было ровным, но сердце билось чаще — сегодня он намеревался добыть оленя, чтобы прокормить себя и семью.

След был свежий, глубокий, с утренней росой в отпечатках. Мужчина шёл по нему — шаг за шагом, осторожно. И вот — впереди, между деревьями — увидел его. Красивый. Большие рога. Сердце застучало от охотничьего азарта.

Вдруг, где-то неподалёку, хрустнула ветка — он замер, вслушиваясь. В тишине леса звук казался оглушающим. Из тени деревьев выскочил олень — стройный, грациозный, с темно-коричневой шерстью, переливающейся под лунным светом. Его глаза сверкали испугом, а дыхание ритмично вздымалось. Охотник медленно прицелился, но в тот самый миг, когда пальцы сжали спусковой крючок, перед ним вдруг появилась она.

Девушка с огненными, словно языки пламени, волосами стояла неподвижно, словно часть леса. Её глаза — жестокие и холодные — встретились с его. В них была не просто ярость, а нечто древнее и могущественное, словно сама природа гневалась через неё. Ветер закружил сухие листья и вдруг лес вспыхнул — огонь взметнулся ввысь, охватывая ветви и стволы. Пламя с жужжанием и треском поглощало всё вокруг, озаряя лица горящих деревьев и отражаясь в глазах охотника.

Он пытался бежать, но огонь подступал всё ближе — жа-

ра жгла кожу, вдыхать было больно, каждый вдох приносил жжение и удушье. Крики мучений вырывались из груди — его тело охватывала паника и боль. Пламя обвивало его словно живое существо, сжимая каждую мышцу, обжигая до костей. Девушка, стоящая в окружении огня, наблюдала с холодным спокойствием, её губы слегка приподнялись в злобещей улыбке. В её глазах горела жестокость, словно она вершила приговор.

Охотник кричал, но звук терялся в треске горящего леса. В последний миг сознания, среди огня и дыма, он увидел её лицо — прекрасное и ужасное одновременно, с волосами, пылающими ярче самого пожара, и глазами, в которых горел весь лес.

И только лес остался после него — тихий, мёртвый, наполненный запахом дыма и пепла, словно забравший с собой одну судьбу, оставляя за собой лишь память и огненный след.

Ночь в лесу была глубокой, влажной и густой. Девушка с огненными волосами стояла среди полыхающих деревьев, её взгляд был холоден и жесток. В её сердце жила ненависть — не просто к кому-то, а к людям. Не нужно было объяснять, за что именно, потому что те раны были слишком глубокими, слишком старыми и слишком тяжёлыми, чтобы их можно было выразить словами. Люди для неё — это боль, разрушение, измена и ложь. Их поступки оставили в ней лишь

горькое чувство отвращения и ярости.

Она чувствовала, как пламя в её груди разгорается всё сильнее, становясь орудием мести. С каждым языком пламени, что охватывал лес, она казалась растворяющейся в огне, превращая своё мучительное внутреннее пламя в настоящее — жгучее и неумолимое. С её легких падали искры, и лес вокруг неё загорались — сжигая не только деревья и кусты, но и все следы жизни: зверей, птиц, даже воздух казался наполненным горьким запахом разрушения.

И всё же, несмотря на всю свою жестокость, в глубине души девушки таилась другая, потаённая эмоция — слеза медленно скатывалась по щеке, едва заметная на фоне ярких языков пламени. Её глаза, отражая жар огня, смотрели вперёд с болью и осознанием — зачем она это сделала? Зачем сожгла лес, забрала жизнь, которую когда-то так любила? Где теперь её надежда?

Она стояла одна в этом огненном аду, ощущая всю тяжесть своего выбора — ненависть к людям, превратившаяся в разрушение, обожгла и её саму. Эта слеза была последним напоминанием о том, что где-то внутри всё ещё жила любовь, но она была похоронена под гневом и болью. И теперь она понимала — месть оставила после себя лишь пепел, и нет пути назад.

Олень стоял неподвижно среди густых зарослей ночного леса, напрягая каждое мускул, готовясь к бегству. Холодный

воздух щекотал его морду, а в темноте мерцали звёзды, едва пробиваясь сквозь кроны старых деревьев. Внезапно раздался резкий хруст сломанной ветки — и сердце оленя забилось быстрее. Он почувствовал чьё-то присутствие. Медленно поднял голову и увидел мужчину — охотника с прицелом, направленным прямо на него.

В этот момент из глубины тени вынырнула она — девушка с волосами цвета живого огня, ослепительно яркими, словно пламя. Её взгляд был холоден и жесток, наполнен ненавистью к людям, к этому охотнику, ко всему, что они сделали с её лесом и его обитателями. Она медленно подняла руку — и вдруг лес вспыхнул огнём. Пламя поднялось, освещая всё вокруг, вырываясь из-под земли, обвивая деревья и кусты.

Олень почувствовал жар, словно сама земля под ним загорелась. Он рванулся прочь, но огонь опоясывал лес стеной, всё сужаясь и сужаясь, отрезая пути к спасению. Его копыта жгли пылающая земля, дыхание стало тяжёлым и прерывистым — вдыхаемый воздух был горячим, как у самого пекла. В страхе и отчаянии он скакал, перепрыгивал через поваленные деревья, стараясь убежать от смерти, но вокруг всё превращалось в огненный ад.

Охотник за ним бежал, крича и пытаясь догнать, но огонь не давал ему возможности приблизиться. Девушка с огненными волосами смотрела на мучения животных и человека с безжалостной жестокостью — в её глазах горела ненависть, ледяная и страшная, как сама смерть. Она словно вершила

правосудие над теми, кто посягал на её лес.

Олень с каждой секундой ощущал, как боль проникает в каждую клеточку его тела — жгучая, невыносимая. Кожа, обожжённая огнём, будто горела изнутри. Он слышал собственные стоны и крики боли, он видел, как вокруг него вспыхивают деревья, как исчезают в пламени звери, пытавшиеся спастись. В последний миг, когда силы покидали его, он взглянул вверх — на звёзды, которые теперь казались холодными и равнодушными к его судьбе.

Из глаза девушки с огненными волосами медленно скатилась слеза — горькая и тяжёлая. В глубине души она почувствовала сомнение и боль, но ненависть к людям была сильнее. Она думала о том, что они сделали с её лесом, с животными, и не могла простить.

А олень медленно погружался в темноту — последняя боль, последний вздох, последний миг свободы. Его мучения закончились, но память об этом огненном аду навсегда осталась в лесу.

ГЛАВА 9

Рано утром, когда первые слабые лучи солнца только начали окрашивать небо в бледно-розовый и золотистый оттенок, я вышла из дома. Воздух был ещё прохладным, словно сам рассвет таил в себе дыхание свежести и тайны. Под ногами хрустела лёгкая роса, покрывая траву искристым покрывалом, а ветви старых деревьев тихо шептались друг с

другом, словно делились самыми сокровенными секретами ночи.

Я шла по незнакомым улицам старой части города — здания стояли заброшенными, с облупившейся краской и покосившимися ставнями, напоминая о времени, которое здесь застыло. Ветер играл с моими волосами, заставляя прядки танцевать в воздухе, холодя щёки и обжигая кончики пальцев. Каждый вдох наполнял меня смесью запахов — сырой земли, прелой листвы и лёгкой копоти старых печей.

И вот, среди этой тишины, моё внимание привлекли яркие, светящиеся жёлтые глаза — они мерцали в темноте, словно маленькие маяки, горящие холодным светом. Вокруг сгущалась тьма, и всё казалось замерло — даже лес замолк, будто ожидая чего-то страшного и неизбежного. Это был Хранитель лесов — существо из легенд, загадочное и одновременно пугающее.

Глаза его проникали в самую глубину моей души, вырывая из меня самые тёмные и сокровенные чувства. Я почувствовала, как сердце забилось быстрее, дыхание остановилось, а в груди будто вспыхнул огонь — смесь страха, любопытства и тревоги. В этот момент время словно растянулось — вокруг меня была только тьма и этот магический взгляд, горевший словно пламя на ветру.

Внезапно мир вокруг исчез, и я оказалась внутри видения. Передо мной развернулась картина, наполненная холодным светом луны и жёсткими тенями. Я увидела людей —

они шли по лесу, их лица были неподвижны, как маски, а руки крепко сжимали ружья и топоры. Их шаги гремели по мёртвым ветвям, ломая хрупкие растения, трещали сухие листья под ногами. Они были безжалостны, и каждый их взмах нес смерть и разрушение.

Мои губы сжались от ярости — я чувствовала в себе бурю гнева, которая раздирала меня изнутри. Ненависть к этим людям, к их холодному равнодушию, к их желанию уничтожить всё живое, росла с каждой секундой. Я видела, как они убивают волшебных существ, как ломают хрупкие ветви, глотают лес пожирающим огнём. Их жестокость казалась мне почти нечеловеческой, бесконечной.

Пламя вспыхнуло мгновенно — я ощутила, как жар пожирает землю, листья, кору деревьев. Огонь играл на моих руках, обжигал кожу, но я не отступала. Я была та женщина с волосами цвета солнечного огня, с глазами, полными боли и решимости. Шаг за шагом, я проходила сквозь огонь, сжигая всё, что когда-то любила. Мой гнев был безграничен, моя месть — беспощадна.

Слезы лились ручьём, горячие и солёные, смешиваясь с пеплом, что падал на мою одежду. Сердце разрывалось от противоречий — я жаждала разрушения, но глубоко внутри чувствовала пустоту и боль, которые оставались после пожара. «Зачем я это делаю?» — звучал тихий голос в моей душе, но ответа не было.

Внезапно передо мной возник Саша. Его лицо было хо-

лодным, безжизненным, а глаза смотрели сквозь меня, словно он стал чужим. Предательство пронзило меня острее ножа, и я почувствовала, как внутри всё сжимается и ломается. Он уходил прочь, оставляя меня одну среди пепла и огня.

Память о нём словно выжгла глубокий след на сердце. Возвращаясь в реальность, я ощутила, как холод пробирает до костей, а душа кричит от боли и одиночества. Вокруг стояла гнетущая тишина, тяжелая и плотная, словно ночная мгла, обволакивающая меня.

Я тяжело дышала, пытаюсь понять, кто я теперь и какой путь меня ждёт. Боль, ненависть, горечь и страх переплелись внутри, образовав непроходимый узел. И только одно было ясно — моя жизнь уже никогда не будет прежней.

Я ворвалась в кухню, с такой силой, что дверь, казалось, вот-вот вылетит из петель. Сердце колотилось в груди бешено, дыхание сбивалось. Там, за столом, сидел Саша — моё спасение и загадка одновременно. Его глаза, обычно такие тёплые, сейчас были странно пустыми и холодными, словно замёрзшими зеркалами.

— Я переживал за тебя... — его голос был тихим, чуть сирым, и в нём читалась тревога. — Где ты была?

Но вместо ответа меня охватила волна отчаяния и злости. Я не могла сдержать крик внутри себя, эту бесконечную смесь боли и непонимания:

— Кто ты? Кто я? Что вообще происходит? — слова вы-

рывались из меня, дрожащие и острые, словно ледяные иглы. — Почему ты молчишь? Почему твои глаза пусты?

Он не сказал ни слова. Его лицо было маской, и эта тишина была оглушающей. Неожиданно он встал, и его рука, холодная и твёрдая, схватила мою ладонь. Его прикосновение заставило меня вздрогнуть — будто он держал не меня, а чей-то чужой дух.

Мы вышли из дома, шаги гулко отзывались в тишине утра. Лес встречал нас прохладой и запахом хвои, лёгкий ветерок играл в кронах деревьев, шурша листвой. Саша молчал, словно в его душе застыли слова, которые он не мог или не хотел произнести.

Мы шли мимо водопада — вода падала с высоты, разбиваясь о камни и образуя туман, который ласкал кожу и смешивался с холодом воздуха. Мягкий шёпот речных камешков, скользящих под струями, напоминал мне о спокойствии, которое я так отчаянно искала.

Полянки вокруг были усыпаны цветами и ягодами, их яркие краски казались нереальными в этом молчаливом лесу, где всё будто затаилось. Саша рассказывал что-то о грибах и ягодах, но его голос был механическим, и я едва слушала. Мой взгляд цеплялся за каждый его жест, пытаюсь понять, есть ли там хоть капля того человека, которого я знала.

В конце пути он остановился у Тропы Зеркал — таинственной дорожки, окружённой старыми зеркалами, которые переливались на солнце, будто живые существа, наблюдаю-

щие за мной.

Без слов Саша толкнул меня вперёд, и я шагнула на тропу, ощущая, как холод пробегает по спине. В тот момент он исчез — растворился в воздухе, оставив меня одну с загадочными отражениями и бесконечными вопросами, которые не давали покоя моему сердцу.

Я стояла там, сжимая ладонь, которая ещё недавно была в его руке, и впервые почувствовала, что теперь мне предстоит идти дальше одной, в мир, где зеркала могут показать правду, страшнее которой не существует.

Я ощутила внезапное тепло в кармане — будто кто-то разжёг там маленькое пламя. Сердце забило быстрее, волна волнения накрыла меня с головой. Осторожно, словно боясь нарушить хрупкость момента, я достала из кармана своё маленькое зеркало — то самое, знакомое и такое загадочное.

В его холодной, гладкой поверхности мелькнуло движение. И вдруг, перед моими глазами будто ожила она — девушка с пушистыми ушами, её глаза светились живым, тёплым светом, почти гипнотизировали. Я захотела протянуть руку, прикоснуться, удержать этот образ, но зеркало выскользнуло из моих пальцев, словно игривое существо, и упало на мягкую, влажную траву.

Сердце ёкнуло — но зеркало не разбилось. Вместо этого вокруг меня, словно проснувшись от долгого сна, повсюду на Зеркальной тропе вспыхнули тысячи других зеркал. Они взорвались хрусталём — звук был оглушающий и одновре-

менно завораживающий, как тысяча хрустальных колокольчиков, прозвучавших одновременно.

Каждый осколок сиял, переливался радужным светом — ярким, живым и необъяснимо магическим. Они начали медленно соединяться в причудливый узор, плетя сверкающую тропу, которая мерцала, словно звёздная дорожка, ведущая куда-то вглубь леса, в тайны и неизведанные миры.

Маленькое зеркальце, то, что я держала в руках, осталось целым, без единой царапины, словно защищённым самим временем и пространством. Оно казалось ключом и щитом одновременно — хранителем прохода в этот загадочный лабиринт.

Я стояла, затаив дыхание, окружённая этим мерцанием и звоном, и чувствовала, как внутри меня просыпается странное чувство — смесь страха и манящего предвкушения. Тропинка словно звала меня, шептала на языке ветра и света: «Иди, узнай, что скрывается за пределами».

Мои пальцы слегка дрожали, а сердце, казалось, готово вырваться из груди. Внутри что-то рвалось — жажда истины, непонятная тревога и надежда на ответ, который изменит всё. В этот момент я поняла — назад дороги нет.

Я шагнула вперёд.

Под босыми ступнями — ни острых краёв, ни боли, только гладкое, странно тёплое стекло. Я опустила взгляд: сверкающие осколки подо мной складывались в чёткую дорожку, пульсировали мягким светом, словно дышали вместе со

мною.

И тогда я заметила это.

Моё тело... Оно было другим.

Я стояла не в своей одежде — лёгкое белое платье, невестомое, как туман на рассвете, обвивало моё тело, лаская кожу. Я провела рукой по себе — и замерла. Под пальцами — не кожа, а мягкая, шелковистая шерсть. Тонкая, зелёного отлива, как весенняя трава под утренним солнцем.

Мои руки были тоньше, длиннее... в них чувствовалась ловкость и сила. А на запястьях — густая шерсть, как опушка. Я резко повернулась — и увидела.

Хвост.

Длинный, гибкий, гладко изогнутый, он шевелился за моей спиной сам по себе, будто живой. Я даже не сразу поняла, как именно его контролировать. Мой взгляд метнулся выше — и в следующий миг я почувствовала, как дёрнулись... уши?

Я подняла ладони к голове — и нащупала их. Большие, пушистые, чуть заострённые. Они дёргались, ловили каждый звук — шелест листвы, отдалённый плеск воды, дыхание ветра. Всё обострилось. Даже запахи: земля, капли росы, лёгкий аромат чего-то волшебного и недоступного. Всё наполняло меня с головокружительной остротой.

Я стояла посреди сияющей тропы, окружённая сверкающими обломками, и чувствовала себя... не собой.

И в то же время — как будто именно такой я должна быть.

Что это значит? Что за облик? Почему именно он? Почему я чувствую себя... правильно?

Словно кто-то стёр границы между мной и тем, кем я была на самом деле.

Я шагала вперёд.

Каждый шаг по зеркальной тропе отзывался лёгким звоном, будто сами осколки пели под ногами. Сначала я старалась смотреть вперёд, но быстро поняла — невозможно не заглядывать вниз. Отражения в стекле не повторяли меня, не показывали лес или небо... в каждом осколке была Она.

То в пол-оборота, то в полный рост, то только её глаза — раскалённые, как угли, глубокие, пронзающие насквозь. Иногда она улыбалась, иногда смотрела мрачно и зло, а иногда — печально, с такой болью, что я невольно задерживала дыхание.

Она была во мне.

Она шла вместе со мной — рядом, подо мной, внутри. Я чувствовала, как её гнев шевелится под моей кожей, её страхи дрожат в горле, как незаконченные слова. С каждым шагом я чувствовала, будто сливалась с ней, даже если не понимала, кем она была.

Я пыталась остановиться.

Сделала вдох — и попыталась замереть. Но ноги продолжили идти, будто сами по себе. Лёгкое платье струилось позади меня, хвост извивался в такт шагам, а пушистые уши улавливали каждый хруст, каждый порыв ветра.

Сколько времени прошло?

Здесь не было солнца, не было тени — только зыбкий свет тропы и отражения. Ни начала. Ни конца. Только Я, она и путь между нами.

Я не помню, сколько прошло времени. Минуты? Часы? Годы? Кажется, я просто шла. Ноги ступали по зеркальным осколкам, но они не резали кожу — только звенели тихим хрустальным эхом. В каждом отражении — красная девушка. Она молчала. Не нападала, не уходила. Просто смотрела. Местами с гневом. Местами — будто с жалостью. Или со страхом? Я уже не понимала, где я, кто я.

А потом... свет.

Тропа вдруг оборвалась, и я сделала последний шаг вперёд — не думая, не осознавая.

И я очутилась... дома.

На мне снова была обычная одежда. Никаких хвостов. Никакой шерсти. Всё выглядело привычным до мельчайших деталей: запах тёплого хлеба, мягкий плед на диване, окно с тонкими занавесками.

Саша сидел на кухне. Пил чай. Услышав мои шаги, он обернулся:

— О, ты проснулась? Я как раз думал, где ты. Завтрак почти готов.

Его голос...

Был слишком ровным. Слишком спокойным. В нём не было ни намёка на ту тревогу, которую должен был чувствовать

человек, потерявший меня на сутки.

— Где ты был? — голос мой дрожал.

Он улыбнулся:

— Просто гулял. Немного подумал. Всё хорошо, правда.

Я шагнула ближе... и замерла. У него... была вторая тень.

Она повторяла его движения с небольшой задержкой. Я резко перевела взгляд на окно — там, в отражении стекла, его глаза были совершенно другими. Чёрные. Пустые. Без блеска. Без жизни.

— Саша... — прошептала я. — Это ты?

Он не ответил. Только мягко кивнул и сделал глоток чая.

И в этот момент внутри меня всё оборвалось. Холодно.

Пусто. Невозможно дышать. Всё было почти как раньше, но... не совсем.

Я стояла и смотрела на него, пытаюсь найти в нём хоть что-то знакомое. Но в отражении — это был уже не он. И я не знала, куда я вернулась — домой, или в ещё одно зеркало.

Я всё ещё стояла, вжавшись в дверной косяк, будто тот мог спасти меня от происходящего.

Саша сидел за столом и делал вид, что всё в порядке. Он отломил кусочек подгорелого тоста, неторопливо макнул его в мёд и протянул мне, улыбаясь:

— Попробуешь? Я немного переборщил с огнём, но зато с душой.

Я не взяла. Просто продолжала смотреть на него. Он вздохнул, будто устал, и поднялся из-за стола. Подошёл бли-

же, слишком близко.

— Хочешь прогуляться? Может, воздух поможет тебе прийти в себя. Ты выглядишь... странно, Кира. Очень устала. И бледная.

Я не ответила, но он уже взял мою ладонь в свою. Тёплую. Слишком тёплую. И повёл меня к выходу.

Дверь за нами закрылась с глухим щелчком.

Мы шли по улице, которую я знала... или думала, что знала. Но всё было *другим*. Дома — выше. Деревья — толще. Цвета — будто насыщеннее, но какие-то тусклые внутри. Как будто город — картинка, которую кто-то нарисовал, но забыл вложить в неё душу. Люди шли мимо, но... не смотрели на нас. Даже не замечали. И все были какими-то одинаковыми. Их лица — размыты, словно сползающая краска с холста.

— Это не наш город, — прошептала я, вцепившись в рукав Саши. — Где мы?

Он остановился, обернулся, и впервые за всё это время... посмотрел мне в глаза. Но в этих глазах не было ничего. Пустота. Спокойствие, доведённое до жути.

— Это наш город, Кира. Просто ты его раньше не замечала.

Меня затошнило. Я отшатнулась. Всё в этом месте было не так: запахи, свет, даже воздух казался гуще.

Я вдруг поняла, что зеркало не просто привело меня домой. Оно *не вернуло* меня. Это было другое место. Похо-

жее. Но чужое. И “Саша”, и люди вокруг, и улицы — всё было будто скопировано, но... не до конца.

Вечер опустился над городом, и мы с Сашей бродили по незнакомым улочкам, в которых всё казалось одновременно знакомым и чужим. Вдруг я заметила её — другую меня. Ту, кто стояла у окна маленького кафе, словно отражение, но совсем не такое, каким я привыкла себя видеть.

Она была похожа, но в её глазах светилась какая-то холодная уверенность, будто она знала все ответы на вопросы, которые я только начинала задавать. Мы встретились взглядом, и время словно остановилось. Внутри меня что-то защемило — смесь удивления, страха и любопытства.

«Кто ты?» — спросила я безумно тихо, боясь нарушить эту зыбкую магию момента.

Она улыбнулась — улыбка была лёгкой, но таила в себе множество тайн. «Я — ты, только из этого мира. Здесь всё иначе, и люди, и чувства, и судьбы.»

Я пыталась понять, как это возможно, почему этот мир так похож, но одновременно так далёк от моего. Она рассказала мне о своих страхах, надеждах и о том, как здесь все вынуждены прятать своё истинное лицо.

Её голос звучал, будто издали, и вместе с каждым словом я чувствовала, как границы моего мира начинают размываться, открывая передо мной новые, неизведанные горизонты.

Я не знала, что ответить, но сердце моё билось в такт с этим незнакомым отражением, зовущим меня в неизвестность.

Я стояла напротив неё — другой меня, и в её глазах читалась мудрость, которую я ещё только должна была обрести. Её голос был мягким, но уверенным, и когда она начала говорить, я словно погрузилась в поток новых знаний.

«Этот мир, — сказала она, — — он похож на твой, но здесь всё иначе. Люди живут, скрывая свои настоящие лица. Многие из нас — не совсем люди. Мы — хранители равновесия, защитники магии, которая уже почти забыта в вашем мире.»

Я слушала, не отрываясь, будто каждое слово было ключом, открывающим дверь в незнакомую часть моей души.

«Зеркала, — продолжала она, — это не просто отражения. Это порталы и хранители памяти. В этой пещере, куда я тебя сейчас поведу, скрыты ответы на многие вопросы. Там ты увидишь, кем можешь стать и что для этого нужно пройти.»

Мы шли по тихим, почти прозрачным тропинкам, и я ощущала, как воздух меняется — он становился тяжелее, будто наполнялся древней магией. Вокруг мерцали тени, и казалось, что само время здесь течёт иначе.

Наконец, она остановилась у входа в пещеру. Высокий, покрытый зеркальными осколками свод, переливался сотнями оттенков. Свет от нашего приближения отражался и преломлялся, создавая ощущение, что мы стоим на пороге дру-

гого мира.

«Здесь, — сказала она тихо, — ты найдёшь свои ответы. Но помни, после того, как ступишь внутрь, назад дороги не будет. Ты готова?»

Я кивнула, сердце колотилось от страха и предвкушения.

Она обернулась и, не дожидаясь моего ответа, повернулась и ушла. Я осталась одна перед загадочным зеркальным входом, почувствовав, как внутри меня начинает просыпаться что-то новое, страшное и притягательное одновременно.

Сделав глубокий вдох, я шагнула вперёд и оказалась в холодном, но чарующем мире зеркал...

Я стояла в середине зеркальной пещеры, окружённая бесчисленными отблесками и отблесками света, которые переливались на стенах, словно живые. Внезапно воздух вокруг меня стал горячим, плотным, словно я оказалась в самом пекле.

Пламя словно поднималось изо всех углов, охватывая меня с каждой секундой всё сильнее и сильнее. Я чувствовала, как кожа будто пылает, сердце бешено колотится, дыхание срывается в хрип. Боль была невыносимой — будто меня сжигали заживо, но при этом я не могла сдвинуться с места.ф

«Помоги... кто-нибудь...» — тихо прошептала я, почти без сил.

И вдруг, посреди этого огненного ада, появился он — Саша. Не тот пустой и холодный, которого я видела раньше, а

настоящий. Его глаза горели добротой и тревогой, он протянул ко мне руки.

«Кира, я здесь...» — его голос был таким знакомым и спасительным.

Он коснулся меня, и пламя мгновенно исчезло, оставив только легкое тепло. Я обвила его руки, чувствуя, как страх и боль постепенно растворяются.

«Я... я не помню, как я тебя вел к той тропе, к зеркалам... Я не знаю, куда уходил. Всё было так странно... как будто во сне», — говорил он, глядя на меня с искренним замешательством.

Я смотрела на него, не в силах поверить, что это действительно он — настоящий, живой Саша, потерявший память о том, что произошло.

«Мы... мы справимся вместе», — тихо сказала я, чувствуя, что с ним рядом я могу выдержать всё, что бы ни предстояло.

Вместе мы покинули ту пугающую пещеру, шаг за шагом возвращаясь в реальный мир.

ГЛАВА 10

Врываюсь в комнату, чуть не выбиваю дверь. Сердце стучит в висках, будто хочет вырваться наружу. Руки дрожат, дыхание прерывистое. Я смотрю на Сашу — он сидит на диване, глаза опущены, лицо спокойное, но в них нет привычного тепла.

— Саша, скажи, пожалуйста... кто ты? Что с тобой проис-

ходит? — голос трясётся, и в горле комок, сдерживаю слёзы, которые вот-вот польются. — Почему ты такой? Почему я не узнаю тебя?

Он медленно поднимает голову. Взгляд пустой, холодный, будто стеклянный. Сердце щемит от этой пустоты. Я чувствую, как будто мы уже не вместе, а на разных берегах — и этот ледяной разрыв между нами растёт с каждой секундой.

— Кира... — его голос тихий, как шёпот, словно он боится нарушить тишину, — я не тот, кем ты меня знаешь.

Я моргаю, не верю своим ушам. Слова звучат как приговор.

— Что значит “не тот”? — почти кричу, наступая на его молчание. — Почему ты молчал? Почему меня так запутал?

Он глубоко вздыхает, будто тяжесть мира лежит на его плечах. Его пальцы медленно сжимаю мои руки, и я ощущаю ледяное прикосновение, которое разрывает меня изнутри.

— Я знаю всё о тебе, о твоей сущности, — наконец произносит он, — и о том мире, который ты видела. Это не сон, Кира. Всё реально. Я был там.

Внутри меня растёт смешанное чувство: страх, удивление, боль и... надежда? Как будто искорка света пробивается сквозь густую тьму.

— Почему ты не сказал раньше? — голос прорывается сквозь дрожь.

Он смотрит прямо в мои глаза, и в его взгляде мелькает усталость и отчаяние.

Мы стояли в комнате, воздух был плотным и тяжёлым от невысказанных слов. Саша наконец заговорил, признался — и я почувствовала, как камень с души чуть сдвинулся. Его глаза больше не были такими пустыми, в них мелькнула искорка, которая когда-то меня согревала.

— Я знаю всё... и я с тобой, — прошептал он.

Я кивнула, попыталась улыбнуться, но улыбка вырвалась холодной и натянутой. Внутри меня всё ещё ревела буря.

«Мы помирились, но что-то изменилось», — думала я, глядя в его глаза, теперь уже знакомые, но далекие. Сердце сжалось от того, что я не могу довериться полностью. Что-то в моём нутре шептало: держись на расстоянии.

Я осторожно отошла на шаг назад, словно пытаюсь создать невидимую стену между нами.

— Мне нужно время, — сказала тихо, голос чуть дрожал. — Я не знаю, кем ты сейчас... и кем я стала.

Саша смотрел на меня с болью, но не пытался удержать. В этот момент я поняла — мы ещё не готовы быть вместе. Хотя он рядом, я чувствовала себя одной. Той, кто всё ещё тонет в своих страхах и тайнах.

— Я не хочу тебя терять, — услышала я в ответ, — но и не могу сейчас быть тем, кем ты хочешь меня видеть.

Я отвернулась, сдерживая слёзы, и тихо прошла к двери. За ней осталась часть меня — та, что жаждет быть с ним. Но сейчас — нет. Сейчас я должна найти себя, даже если это значит идти одной.

Тьма накрыла меня словно тяжёлое одеяло, и я погрузилась в кошмары — они были такими яркими и живыми, что казалось, будто я не сплю, а нахожусь внутри самой страшной сказки.

Я бежала по лесу, ноги вязли в мокрой земле, дыхание сбивалось, сердце колотилось в груди, как безумное. Вокруг меня мелькали тени — уродливые лица, страшные глаза, безжалостные шепоты. Они преследовали меня, смеялись и кричали, словно хотели сорвать с меня последнюю каплю надежды.

Внезапно я упала, земля подо мной загорелась огнём, пламя лизало кожу, жгло, причиняло невыносимую боль. Я кричала, но голос тонул в бездне страха. Мир вокруг меня превратился в бушующее пламя, в котором горело всё — лес, дом, даже воспоминания. А в глубине пламени мерцали глаза — холодные, пустые, смотрели прямо на меня.

И вдруг свет. Резкий, ослепительный. Я открыла глаза.

Комната была пуста, лишь солнечные лучи осторожно касались пола. Но что-то было не так. Я подняла руку — и с ужасом заметила: кожа на ней изменила цвет — зелёный, словно покрытая бархатистым мхом. Ушки... пушистые и острые, выглядывали из-под волос. Хвост плавно покачивался за спиной, мягкий и гибкий.

Паника медленно накатывала — я прижимала ладони к лицу, пытаясь убедить себя, что это сон. Но отражение в зер-

кале подтверждало правду — я стала той самой зелёной де-
вушкой из своих видений.

Страх и недоумение переполняли меня. Кто я теперь? Что происходит? Голос в голове шептал вопросы, но ответов не было.

Я сделала шаг вперёд, чувствуя, как каждое движение необычайно остро ощущается телом, будто пробуждается что-то новое, странное и одновременно пугающее.

Сердце бешено колотилось, дыхание перехватывало...

Внезапно послышался громкий грохот — что-то упало, раздался скрежет. Я вздрогнула, сердце забилося чаще, и в дверях появилась фигура. Это был Саша.

Он быстро подошёл ко мне, взгляд его был серьёзным и решительным, но в его глазах мелькала та же тёплая забота, что и раньше. Я с трудом удержалась на ногах — тело ещё не привыкало к новой форме, к зелёному цвету кожи, пушистым ушам и хвосту, что мешал двигаться.

— Кира, — сказал он мягко, — всё будет хорошо. Я помогу тебе.

Я смотрела на него, и вдруг заметила, как его облик начал меняться. Лицо становилось всё более размытым, словно вода, которую кто-то осторожно разливает по камню. Волосы меняли цвет, глаза меняли выражение — он превращался.

Я моргнула и ощутила, как тепло распространяется по телу. Его руки прикоснулись ко мне, и я почувствовала лёгкое покалывание. Тело будто бы наполнялось светом изнутри.

— Ты не одна, — сказал Саша, когда его образ окончательно изменился на что-то новое, более светлое и сильное. — Я могу принимать разные обличья, чтобы защищать тебя.

Покалывание усилилось, и через мгновение я уже чувствовала, как кожа снова становится обычного цвета, ушки исчезают, хвост растворяется, а тело возвращается к прежнему облику.

Я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться на ощущениях. Когда открыла — увидела перед собой того самого Сашу, которого знала. Но теперь он казался ещё ближе, ещё роднее.

— Спасибо, — прошептала я, голос дрожал.

Хотя Саша помог мне вернуть мой настоящий облик, внутри меня словно что-то сломалось. Его теплые руки, заботливый голос — всё это казалось таким далеким, как будто я наблюдала за ним со стороны, через толстое стекло, покрытое трещинами.

— Спасибо, — снова выдохнула я, но слова звучали пусто, будто я не верила им.

Он улыбнулся, прижал меня к себе, но я почувствовала, как холодок пробегает по спине. Я отдернула руку, не осознанно, и отступила на шаг назад.

«Не могу доверять ему, — думала я, — а может, не могу доверять себе. Кто он на самом деле? И что случилось с тем Сашей, которого я знала?»

Его глаза, хоть и были знакомыми, казались пустыми, чужими, будто он сам не знает, кем стал и зачем здесь.

— Кира, — тихо произнёс он, — я здесь. Я не хочу, чтобы ты боялась.

Но я не могла избавиться от ощущения, что за этой тенью Саши скрывается что-то неуловимое и тревожное. Мне казалось, что каждый его жест — как игра, маска, которую он надевает, чтобы скрыть что-то очень важное.

Я сжала кулаки, стараясь справиться с волнением, с этой растущей внутри тревогой. Сколько я ещё смогу так? Верить, надеяться, или быть просто жертвой своих страхов?

— Я... — начала я, но слова застряли в горле.

— Всё будет хорошо, — сказал он вновь, и я видела, как он пытается быть рядом, быть опорой. Но для меня опорой становится только тишина...

Вдруг в окно раздался резкий стук. Я подскочила и повернулась — на пороге стояла девушка с ярчайшими желтыми глазами, которые казались светиться изнутри, и пушистым хвостом, плавно покачивающимся за спиной. Она смотрела на меня с такой силой и решимостью, что я сразу поняла — она видела всё. Всё, что произошло, что скрыто, что не рассказано.

— Кира, — ее голос был одновременно мягким и настойчивым, — я знаю, что тебе страшно, но тебе нужно идти со мной. Я не могу объяснить почему, но это важно. Для тебя. Для всех нас.

Я почувствовала, как сердце забилося быстрее. В голове роилась куча вопросов, но что-то в ее взгляде не оставляло

выбора. Она была не просто гостьей, она была частью чего-то большего, чего-то, что зовет меня в неизвестность.

— Куда? — выдохнула я, и голос дрожал. — Почему именно я?

Она улыбнулась, едва заметно, словно знала ответы, которые пока мне недоступны.

Я посмотрела в ее желтые глаза — огонь, решимость, надежда. И, несмотря на страх, внутри зажегся крохотный огонек любопытства и смелости.

— Хорошо, — тихо сказала я и открыла окно навстречу этой таинственной девушке.

Я сидела на краю кровати, чувствуя, как сердце стучит слишком громко. В комнату вбежал Саша, его взгляд был напряжённым и полным тревоги.

— Кира, — сказал он, — ты не понимаешь, куда ты хочешь идти. Ты не можешь просто так уйти. Не сейчас. Не после всего, что произошло.

Я подняла глаза на него, и внутри разрывалась противоречивая буря — с одной стороны, я так устала от неопределённости, от этого странного мира, с другой — боялась потерять хоть что-то знакомое.

— Саша, — попыталась я спокойно, — я должна знать правду. И если кто-то придёт за мной, я хочу быть готова.

Он подошёл ближе, взял меня за руку...

— Я видела всё, — её голос прозвучал тихо, но уверенно, — Пойдем со мной, Кира. Ты не сможешь уйти от своей

судьбы.

Саша вжал меня чуть крепче в ладонь и резко прошептал:
— Не слушай её. Я не отпущу тебя. Ты не одна в этом мире, и если уйдёшь с ней, ты потеряешь всё, что у тебя есть.

Я почувствовала, как ледяной страх пронзает меня. Девушка с жёлтыми глазами шагнула назад, словно уже знала, что я не уйду добровольно. Но её глаза оставались прикованы ко мне, будто её задача была в том, чтобы не оставлять меня в покое.

— Я буду идти за тобой, куда бы ты ни бежала, — её голос теперь был почти шепотом, но в нем звучала угроза и обещание.

Саша сжал мою руку, смотря прямо в мои глаза.

— Я буду рядом. Я не позволю никому забрать тебя.

Я стояла у окна, дрожа от страха и неуверенности. Весь мир казался слишком громким и слишком чужим одновременно.

— Кира, — сказал он тихо, но в его голосе звучала вся глубина переживаний, — ты не понимаешь, что значит уйти. Здесь, у нас, всё не так, как кажется.

Саша сжал мою руку ещё крепче, и я почувствовала боль. Его глаза стали ледяными, холодными, словно он превратился в совсем другого человека.

В голове словно взорвался хаос: сердце колотилось, дыхание сбивалось. Я смотрела на Сашу и на неё — две противоположности, две силы, которые тянули меня в разные сто-

роны.

Девушка с жёлтыми глазами отступила, но не исчезла. Её голос, полный угрозы и одновременно печали, эхом разносился в моей душе:

— Я буду идти за тобой. Куда бы ты ни убежала — я найду тебя.

Саша шептал мне на ухо слова уверенности, обещания защиты, но внутри меня закипало нечто другое — сомнения, страх и тревога.

Я хотела уйти, но не могла. Хотела остаться, но чувствовала, что теряю себя.

Мир вокруг замер в этой зыбкой грани между светом и тенью, между известным и неизведанным.

ГЛАВА 11

Мы с Сашей неспешно шли по улице — воздух был прохладным, но не ледяным, с лёгким запахом мокрой листвы. Я всё ещё не могла выбросить из головы прошлую ночь и яркий образ девушки с жёлтыми глазами. Мне казалось, что за каждым углом кто-то наблюдает.

Саша предложил заглянуть в наше любимое кафе. Я не возражала — было как-то слишком тихо, слишком напряжённо, и простая обыденность могла хоть немного вернуть ощущение нормальности.

— Я угощаю, — сказал Саша, открывая дверь. — На этот раз точно без подгорелых омлетов.

Мы выбрали столик у окна, тот самый, где раньше сидели

часами. Кафе почти не изменилось — всё тот же запах корицы и свежей выпечки, те же мягкие стулья.

Дверной колокольчик звякнул. Тонко, почти незаметно, но этот звук разрезал тишину кафе, как лезвие. Я машинально подняла взгляд от своей чашки, и дыхание перехватило.

Наша ночная гостья.

Та самая девушка с жёлтыми глазами и пушистым хвостом, что стучалась к нам в окно и исчезала, будто мираж. Но теперь... она выглядела иначе. Совсем иначе.

Никакого хвоста. Никаких ушек. Карие, почти тёплые глаза. Усталое, человеческое лицо. Простое тёмное пальто, немного потрёпанное по краям, вязаный шарф, который она аккуратно расправила на груди. Она была как любая другая...

Но я узнала её в ту же секунду, как только она переступила порог. Узнала по движению, по взгляду, по еле заметной полуулыбке. Та самая хищная мягкость в походке, когда человек движется слишком плавно, будто тень.

— Ты это видишь? — прошептала я.

Саша повернулся. Его тело напряглось. Он сразу понял.

Она подошла к нашему столику так, будто приходила сюда всю жизнь.

— Ну, здравствуйте, — сказала она весело. — Я же говорила, что не отстану!

Я открыла рот, но Саша опередил:

— Мы... не ждали тебя.

— Ой, ну не делай такое лицо, — фыркнула она, — я про-

сто хочу поболтать. Вы такие интересные. У вас такие... чудесные тайны.

Она подмигнула мне, и по спине пробежал холодок.

Пока я пыталась сообразить, как от неё вежливо избавиться, официантка подошла с подносом.

— Всё за мой счёт, — сказала незнакомка, протягивая деньги. — За них двоих.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я.

— Потому что мы теперь друзья, — спокойно ответила она. — А друзья ходят друг к другу в гости. Кстати, вы ведь недалеко живёте?

Саша напрягся, но промолчал.

— Ну, я всё равно зайду, — добавила она, допивая воду. — Обожаю уютные квартиры. До встречи! Она вышла — так же бесшумно, как появилась.

А я сидела, вцепившись в чашку с остывшим чаем, и не могла поверить, что всё это происходит снова.

Когда мы вышли из кафе, утреннее солнце уже пробивалось сквозь редкие облака, растекаясь по мокрому асфальту золотистыми бликами. Воздух был тёплый, пахло выпечкой из соседней булочной и ещё чем-то тревожным — будто перед дождём.

И она действительно стояла там.

Прислонившись к фонарному столбу, словно просто гуляла мимо. Руки в карманах, взгляд — в небо, будто её всё это

не касалось. Но стоило нам приблизиться, как она сразу же оторвалась от столба и пошла рядом.

— У вас тут хорошо, — сказала она, будто мы были в туристической прогулке. — Тихо, уютно. Немного скучно, конечно, но это даже мило.

Я шла молча. Саша — тоже. Только он чуть ближе придвинулся ко мне, будто хотел отгородить. Или наоборот — спрятаться.

— А вы всегда так серьёзны? — продолжала она с насмешкой. — Мы же просто гуляем. Не бойтесь, я не кусаюсь. Ну... почти.

— Ты за нами следишь? — спросила я наконец, устало.

— О, нет-нет, — она сделала вид, что шокирована. — Просто оказалась в нужное время в нужном месте. Кармическое совпадение, можно сказать.

Она подскочила к витрине, заглянула в неё, развернулась и пошла дальше, отбрасывая шутки как камешки в воду:

— А ещё тут булочки вон там — отвратительные. Кофе — сойдёт. А вот магазинчик с часами за углом — просто прелесть. Хоть весь день там сиди.

Мы молчали. Потому что её присутствие было как плёнка на коже. Вроде не трогает, но от неё не избавиться.

— Идёте домой? Отлично! — она подмигнула. — Обожаю гостей. Даже когда я сама в роли незваной.

— Ты не идёшь с нами, — твёрдо сказал Саша, вставая между ней и мной.

Она склонила голову набок, как кошка перед прыжком, и хмыкнула.

— Ох, милый, я уже иду. Разве ты не заметил?

Она прошла мимо него, будто он был пустым местом, и направилась вперёд по тротуару, будто именно она задавала маршрут. Я почувствовала, как Саша сжал мою ладонь сильнее, чем нужно. Он был напряжён до предела, в его шаге появилась какая-то хищная осторожность.

Мы молча шли за ней. Она болтала без умолку, как будто мы были просто старые знакомые. О погоде, о вкусной еде, о странных людях на улице. Всё звучало так буднично, что становилось только страшнее.

— А вы знали, что в этом городе больше зеркал, чем людей? — бросила она через плечо. — Интересная статистика, да?

— Кто ты такая? — наконец спросила я.

Она обернулась, не прекращая идти.

— О, не спеши. Всё узнаешь. Но не сразу. Иначе скучно будет. Кстати, у вас классный чай. Надеюсь, у вас дома он есть?

Саша остановился как вкопанный.

— Ты не пойдёшь в наш дом.

— А кто тебя спросил? — она улыбнулась, но в её глазах была лишь тень веселья. — Или ты боишься, что я расскажу Кире то, чего ты сам не решаешься?

Он шагнул вперёд, но я схватила его за рукав.

— Пусть пойдёт, — прошептала я. — Мне надо знать.

Саша посмотрел на меня — долго, пристально. Потом кивнул.

— Хорошо. Но не надейся, что я тебе поверю, — бросил он девушке.

Та лишь рассмеялась.

— Поверь, Сашенька... ты и сам себе не веришь.

У нас дома всё выглядело особенно тесно — не из-за вещей, а из-за напряжения, повисшего в воздухе. Син без стеснения прошла в гостиную, скинула пальто и, будто бы это было её место, опустилась на диван, откинувшись на спинку с видом хозяйки.

— Уютненько, — протянула она, оглядывая комнату. — Хотя, конечно, я бы сменила цвет штор. Они делают вас бледными.

Саша стоял, опершись о дверной косяк, сложив руки на груди. Я прошла чуть вперёд, но осталась у стены — не садилась, не могла. Сердце колотилось.

Син продолжала болтать. Про погоду. Про кафе, в котором ей «никогда не нравились пирожные». Про мужчину, которого она сегодня якобы видела в отражении витрины — у него было лицо, как у Саши. Она говорила и говорила, пока я не выдержала.

— Может, скажешь хотя бы, как тебя зовут? — перебила я, с трудом сохранив голос ровным.

Она на мгновение замолчала, её глаза остановились на мне, и в этой тишине будто дрогнуло само пространство.

— Син, — произнесла она наконец.

Саша подался вперёд.

— Если ты думаешь, что...

— Расслабься, — отмахнулась Син. — Я не забираю её навсегда. Только покажу ей кое-что. Она всё равно не доверяет тебе.

Мои пальцы сжались в кулак. Он отреагировал первым — отвернулся, будто не хотел, чтобы я видела выражение его лица. Минуту он молчал. Потом резко повернулся ко мне:

— Если ты пойдёшь с ней... я не смогу защитить тебя. И, возможно, не смогу вернуть.

Я кивнула. Медленно. Но уверенно.

— Я всё равно пойду.

Он шагнул ко мне, остановился вплотную, склонился, коснулся моего лба своим.

— Тогда иди. Но вернись. Пожалуйста.

Я посмотрела в его глаза. И впервые — за долгое время — увидела в них не ледяную пустоту, а боль. Настоящую. Тихую. Настоящую.

Син уже стояла у двери, легко перекидывая пальто через плечо.

— Ну что, птичка, полетели?

Син взглянула на меня, улыбка играла на губах — игривая и чуть насмешливая. Она открыла дверь, и прохладный

воздух с улицы ворвался в комнату, наполнив её свежестью и лёгкой тревогой.

— Не волнуйся, — сказала она, бросая через плечо: — Я не причиню тебе вреда. По крайней мере, не сразу.

Я последовала за ней, а Саша стоял у окна, не сводя с нас взгляда. Его лицо было серьёзным, и в нём читалась глубокая тревога, будто он пытался угадать, что ждёт меня впереди.

Дверь за нами тихо закрылась, и мы вышли в прохладный вечер. Свет фонарей отбрасывал длинные тени, и город казался совсем другим — каким-то чужим и загадочным.

Син шагала легко, словно не касаясь земли, а я шла рядом, ощущая, как сердце бьётся всё быстрее — от страха и от какого-то странного предвкушения.

Она не переставала говорить — о мире, который скрыт от обычных глаз, о сущностях, которые живут между теней, о тех, кто охраняет тайны.

— Ты думаешь, что всё, что видел твой мир, — это правда? — спросила она. — Нет. Это только часть. Истина гораздо сложнее.

Я молчала, вбирая каждое слово, стараясь понять, куда меня ведут и почему именно я.

Саша, оставшись в квартире, казался таким далеким, и одновременно я чувствовала, как его забота тянет меня назад.

Но шаги вперёд уже были сделаны — и отступать не хотелось.

Дом за спиной постепенно растворялся, когда мы направлялись к водопаду. Ветер шуршал в листьях, а вечеряющее небо окрашивалось в мягкие оттенки розового и синего. Син шла легко и уверенно, как будто каждый шаг был частью давно отрепетированной пьесы. Я шла рядом, сердце билось быстрее, и в груди пульсировало то смешанное чувство предвкушения и тревоги.

Подойдя к зеркалу у подножия водопада, Син остановилась. Её глаза заблестели в тусклом свете, а пальцы начали чертить по поверхности загадочные символы — тонкие линии, переплетения и изгибы, словно древние руны, которые знали лишь немногие. Легкое сияние начало распространяться по зеркалу, и воздух вокруг наполнился таинственным холодком.

— Это портал, — тихо сказала Син, — здесь начинается наш путь.

Взяв меня за руку, она шагнула вперед, и я последовала за ней. Стеклопанная поверхность под пальцами была холодной, но как только мы прошли сквозь нее, мир вокруг изменился.

Мы оказались в горах, где воздух был свежим и прозрачным, пахло хвойным лесом и свежестью рассвета. Огромные вершины поднимались в небо, отражаясь в кристально чистых озерах. Солнце мягко освещало эту неизведанную красоту, и всё вокруг казалось одновременно знакомым и волшебным.

— Добро пожаловать в ВЗУ — Высшее Зеркальное Учи-

лице, — сказала Син с улыбкой. — Здесь обучают тем, кто связан с зеркалами. Здесь можно понять свою сущность, открыть новые способности и встретить тех, кто живет между мирами.

Я огляделась, чувствуя, как внутри разгорается искра надежды и в то же время растет легкая тревога. Этот мир был загадочен и опасен, но именно здесь, казалось, можно найти ответы на все вопросы, что мучили меня.

Син крепко взяла меня за руку, и мы вместе направились в глубь гор. Вокруг всё было наполнено свежестью горного воздуха и лёгким шёпотом ветра, который проходил сквозь скалы и хвойные ветви. Вскоре впереди возникло величественное здание — Высшее Зеркальное Училище. Его стены казались вырезанными прямо из самой горы, но при этом переливались словно стекло под солнечными лучами.

Когда мы вошли внутрь, меня встретил шум и живое движение — сотни студентов в разноцветных мантиях спешили по широким коридорам, их голоса смешивались в радостном гуле. Воздух был пропитан смесью старинной пыли, горных трав и лёгкой магии, которая казалась осязаемой. Я вдохнула глубоко, чувствуя, как внутри поднимается волнение и лёгкий страх перед неизвестностью.

Син мягко потянула меня за руку и повела в сторону нашего крыла, но когда мы подошли, коридоры опустели, и казалось, что время здесь замерло. Двери были закрыты, а в воздухе стояла тихая тревога.

— Почему здесь так пусто? — спросила я, оборачиваясь к ней.

Она улыбнулась, но в её глазах читалась серьёзность.

— Сегодня у большинства студентов экзамены, — объяснила Син спокойным голосом. — Преподаватели выделили каждому отдельные Зеркальные реальности — специальные пространства, где можно учиться и готовиться, не мешая другим.

Я почувствовала странную смесь облегчения и тревоги. Облегчение — потому что здесь я могла бы сосредоточиться и понять всё лучше. Тревогу — потому что впереди меня ждала неизвестность, испытания, и я не знала, готова ли я к ним.

Син посмотрела на меня, словно пытаясь понять о чем я думаю.

Она вела меня по бесконечным, запутанным коридорам ВЗУ. Стены были выложены гладкими, светло-серыми плитками, по которым пробегал едва уловимый блеск — как будто зеркало под тонкой вуалью. Лестницы, повороты, перекрёстки... я уже потеряла счёт поворотам.

— Ты уверена, что знаешь дорогу? — слабо улыбнулась я.

Син лишь фыркнула:

— А ты думала, мы в какой-то деревенской школе? Нет, детка. Это ВЗУ. Здесь всё немного... нестандартно.

Наконец, мы остановились перед дверью с табличкой «114». Цифры были выведены из живого серебра, и каза-

лось, что они едва заметно шевелятся, отражая свет.

— Вот она, — сказала Син и толкнула дверь.

Внутри оказалось удивительно уютно. Просторная комната с тремя кроватями, каждая со своим балдахином, плотные шторы, мягкие ковры, и тишина — как в каком-то сказочном убежище. У одной из кроватей — посреди покрывала — лежала гора знакомых вещей.

Я застыла. Это были мои вещи. Всё — вплоть до блокнота с согнутым уголком, заколки, свитер, шарф и даже потерянный носок — свалены в небрежную кучу.

— Я же говорила, доставят, — усмехнулась Син. — Правда, не слишком церемонились, но всё на месте.

— Это и есть... наша комната? — прошептала я.

— Угу. Моя, твоя и Яны. Она сейчас на экзамене. Успеешь познакомиться. А пока — давай разберём завал, а то здесь похоже на барахолку.

Я подошла к своей кровати, осторожно дотронулась до знакомого пледа. Что-то защемило внутри. Странное чувство — словно я оказалась слишком далеко от старого дома, но уже начинала строить новый.

ГЛАВА 12

Мы с Син только начали разбирать мой импровизированный “переезд”, когда дверь с грохотом распахнулась, будто её пинком открыли. В комнату буквально ввалилась девушка с ярко-рыжими, растрёпанными волосами, завязанными кое-как в косу, и кристально-голубыми глазами, в которых

сейчас плескалась абсолютная усталость.

— Мёртвая. Я официально мёртвая... — пробормотала она, волоча за собой сумку и кидаясь на кровать напротив. — Мозг сварился. Сердце от страха выпрыгнуло.

Син хмыкнула, продолжая складывать мои вещи на полку.

— Как экзамен, Ян? Выжила? Или это твоя голограмма с последними словами?

Яна издала приглушённый стон, перекатилась на спину и закрыла глаза рукой.

— Если бы не последняя часть... Зеркальное искажение! Да кто вообще это выдумал?! Я чуть не осталась навсегда в теневом отражении, я серьёзно! — Она резко села и хотела продолжить, но вдруг её взгляд метнулся ко мне.

Я почувствовала, как всё внутри сжалось. Яна на секунду замерла, уставившись в упор, будто не могла поверить в моё существование. Потом прищурилась, оглядела меня с головы до ног, и вдруг спросила:

— Эээ... Син? А это что за зверёныш у нас?

— Это не зверёныш. Это Кира. — Син кивнула в мою сторону, не поднимая глаз. — Наша новая соседка. И вообще, будь вежливее.

Яна поднялась с кровати, всё ещё разглядывая меня с какой-то недоверчивой любопытностью, как будто я могла взорваться или превратиться в жабу.

— Новенькая, значит... Хммм... А ты кто по типу? Уши пушистые, глаза странные. Не фэйра, не оборотень. Может,

полукровка? Или что-то редкое?

Я почувствовала, как моё лицо вспыхивает. Я не знала, что ответить.

— Подожди... — пробормотала я, чувствуя, как ледяной ком поднимается где-то в груди. — Но... Я ведь сейчас... я же в человеческом облике. Как ты видишь уши?

Я инстинктивно коснулась головы. Ничего. Гладкая кожа, никаких ушей, никаких хвостов. Сердце заколотилось быстрее. Яна же только хмыкнула и приподняла оправу своих массивных очков.

— А вот в этом и фишка, новенькая, — сказала она, будто гордилась секретом. — Эти очки — не простые. Они связаны с зеркалами. Можно сказать, они их дальние родственники. Зеркальная пыль, переплавленная с линзами и фрагментами Теневой Стекло́нной Реальности.

Она щёлкнула пальцами, и на её очках вспыхнули тусклые отблески — как будто в стекле отражались сотни крошечных зеркал.

— Через них я вижу... ну, то, что ты есть на самом деле. Настоящую тебя. С ушками, хвостиком, шерстью на руках. Всё как есть, без прикрас. Твоя “маска” меня не обманет.

Я сглотнула. От того, с какой лёгкостью она это сказала, меня передёрнуло.

— Это значит... ты видишь всех такими, какие они есть?

— Ну, не всегда. Только когда хочется. — Яна пожалала плечами. — Специализация у меня такая — теневые зеркала.

Они не отражают внешность. Они копают глубже. Туда, где скапливаются желания, страхи, суть. Иногда даже то, о чём человек сам не догадывается. Увлекательно... и очень стрёмно, если честно.

Она подошла ближе, наклонилась ко мне и чуть сузила глаза.

— А ты, Кира, сложная. Очень сложная. В тебе сразу несколько слоёв, и всё смешано. Словно кто-то взял три разных отражения и вбил их в одно.

Я отступила на шаг, чувствуя, как начинает ломить висок.

— Прекрати.

— Уже, — отозвалась она, отстраняясь. — Но знаешь, тебе не мешало бы научиться видеть себя самой. Без зеркал, без чужих очков.

Яна вздохнула и рухнула обратно на свою кровать.

— Ладно, девочки, я отрублюсь на часик. Если меня кто-то позовёт на пересдачу экзамена — сожгу.

Я как раз закончила складывать последние вещи на полке, когда зеркало над её столом едва заметно дрогнуло, будто вода в нём заколыхалась. Я повернулась — и в тот же миг из отражения вылетел тонкий, чуть мерцающий листок. Он плавно опустился мне в ладонь, словно ветер бережно подал его прямо в руки.

Лист был серебристым, прохладным на ощупь, и в углу виднелся герб ВЗУ — переплетённые зеркала в форме глаза.

***"Студентке Кире.

Ваша учебная неделя начинается немедленно. Ниже — индивидуальное расписание.

Также вы приглашены на встречу с директорисой ВЗУ — Иллирианой Маринэль.

Время: сегодня, 16:00.

Место: Южное Крыло, Зеркальный Кабинет 1.

Явка обязательна.***

Под текстом — аккуратная сетка с расписанием, с предметами и временем занятий, отпечатанными чернилами, переливающимися всеми цветами радуги.

Син, увидев лист, приподняла бровь.

— Оу, пригласили сразу к Иллириане? Быстро. Обычно она не зовёт новичков так скоро... Ну, держись. У неё глаз — как у сорока зеркал сразу.

Я сглотнула. Внутри кольнуло странное предчувствие — не опасности, но чего-то важного.

Син провожала меня по запутанным переходам Южного крыла, где отражения на стенах временами шептали слова, которых я не могла разобрать. Чем ближе они подходили к назначенной двери с табличкой «Зеркальный кабинет 1», тем сильнее сжималось у меня внутри. Но Син только подмигнула и оставила меня у порога:

— Удачи. И не смотри ей слишком долго в глаза.

Я глубоко вдохнула и постучала. Изнутри раздалось:

— Входи.

Я толкнула дверь.

Кабинет оказался просторным и почти пустым. Против окна, откуда лился мягкий серебристый свет, за тонким стеклянным столом сидела... девушка. Лет двадцати с небольшим. У неё были русые волосы, собранные в аккуратный пучок, и глаза — глубокие, серые, с чуть задумчивым прищуром. Ни возраста, ни строгости. На мгновение я даже подумала, что ошиблась дверью.

— Кира, верно? — мягко сказала девушка. — Проходи.

Я Иллириана Маринэль.

Я замерла. Вот это — директор?

— Да... Здравствуйте, — я подошла ближе, села на край предложенного кресла, не отрывая взгляда.

Что-то в облике Иллирианы было неестественно... почти слишком безупречно. И я поняла, что её кожа... едва заметно мерцала. Как отражение в капле воды. Как будто оно могло вот-вот исчезнуть.

— Простите, — сказала я, чуть нахмурившись. — А можно... увидеть вас по-настоящему?

Иллириана улыбнулась. Не обиделась. Только чуть склонила голову.

— Хороший вопрос. Редко кто просит.

Она подняла руку, и в воздухе над её ладонью появился плавный символ, словно из зеркального дыма. Мгновение —

и её образ рассыпался, будто стекло.

Перед мной стояла уже не юная девушка, а пожилая женщина в строгом платье, с серебристыми, почти прозрачными волосами, убранными в изящный узел. Её глаза — ледяные, спокойные, пронизывающие насквозь. И в этом облике чувствовалась такая сила, что у меня по спине пробежал холодок.

— Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему я предпочитаю первое лицо, — сказала она. — Оно не отвлекает студентов от сути.

Я только кивнула. Говорить было сложно — будто всё внутри застывало под этим взглядом.

Когда я вышла из кабинета директрисы, мир казался тише, чем прежде. Как будто стены ВЗУ сами затаили дыхание. Я медленно брела по коридорам, мысленно повторяя дорогу, стараясь не потеряться. Свет от зеркал мягко отражался на полу, скользя за моими шагами. В руках у меня был тонкий пергамент — расписание и приглашение, уже исполненное. Теперь оно слегка переливалось на свету, будто зная, что исполнило свою задачу.

Вернувшись в комнату 114, я застала Син и Яну, развалившихся на полу среди подушек и книг. Обе тут же приподнялись, когда я вошла.

— Ну что? — Син вскинула брови. — Жива?

— Жива, — хмыкнула я, подходя и протягивая им распи-

сание.

Яна подскочила, глядя через плечо Син. Они в унисон присвистнули.

— Нифига у тебя тут... — протянула Яна, щурясь на строки. — «Зеркальные превращения», «Теневые зеркала», «Водные отражения», «Физические искажения»... — она повернулась к Кире. — Знаешь, сколько первоодков таких предметов получают? Ноль.

— Что? — я моргнула.

Син кивнула, забирая лист. — Это реально продвинутая программа. Обычно нам дают стандарт: История Зеркал, Базовая Практика, ну и ОФН — Общие Физико-математические направления. А тебе сразу и ИОР — Искажённые Отражения Реальности, и спецкурс по боевым дисциплинам...

— Я же даже не умею... — начала я, но Яна перебила:

— Вот и будешь уметь. Тут, видимо, кто-то очень хочет, чтобы ты раскрылась по полной.

Син прищурилась:

— А может, ты сама ещё не знаешь, на что способна.

Я опустилась на подушку рядом. Внутри всё путалось, но было что-то тёплое — может, впервые с момента прибытия в этот странный мир.

— Раз уж у тебя сегодня выходной, — весело сказала Син, — давай мы покажем тебе ВЗУ.

— Всю территорию? — переспросила я, немного ошеломлённая.

— Ну, всё-всё — это долго. Но главное — покажем! — поддержала её Яна, уже натягивая на плечи куртку.

Мы вышли в коридор. Он был длинный, светлый и украшен живыми зеркалами — они словно дышали, подрагивая в тон шагам. Некоторые реагировали на нас: одно подмигнуло, другое вдруг отразило нашу троицу в странных нарядах — словно средневековых учениц.

— Это Зеркальный коридор. Он ведёт к основным учебным зданиям, — пояснила Син. — Эти зеркала обучаются вместе с нами. Иногда шалят.

Мы вышли на просторный мост между башнями. Ветер трепал волосы, и от открывшегося вида перехватило дыхание. ВЗУ располагался высоко в горах, как будто врезан в скалу. Ниже, между облаков, тянулись зелёные долины и серебристые озёра.

— Вон то здание — библиотека. Там хранят не только книги, но и живые зеркальные хроники. Они могут рассказать истории — если, конечно, им понравиться, — подмигнула Яна.

Они показывали мне всё: тренировочные дворы с зеркальной плиткой, где студенты отрабатывали боевые отражения. Башню преподавателей, в которой, по слухам, на верхнем этаже хранилось Зеркало Происхождения. Маленький кафе-павильон, где зеркала-подносы приносили заказы. И даже закрытую зону — «Отражённые леса», куда без допуска

входить нельзя.

Всё было странным, красивым, будто бы магия здесь — не дополнение, а сама ткань бытия.

Я всё время чувствовала: за стеклянными поверхностями кто-то наблюдает. Взгляд... тихий, терпеливый. Но не злобный. Просто — внимательный.

Вернувшись в комнату ближе к вечеру, я почти не чувствовала ног. Но душа горела.

— Ну, как тебе наш новый дом? — спросила Син, плюхаясь на кровать.

— Он... живой, — только и выдохнула я. — Я не знаю, как описать это иначе.

— Вот и отлично. Завтра — первый настоящий день. Добро пожаловать, Кира.

И впервые за всё это время я почувствовала, что, возможно, здесь мне действительно найдётся место. Даже несмотря на страх.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Солнце уже клонилось к закату, когда они выбежали на поляну. Воздух был тёплый, дышался легко, а трава — высокая, мягкая — щекотала руки. Кира засмеялась, ускользая от Саши, у которого в руке что-то блестело. Он догнал её, осторожно взял за запястье и протянул подарок.

— Это тебе, — произнёс он тихо, немного смущённо.

В её ладони легло маленькое зеркальце в резной деревян-

ной оправе. Оно было гладкое, отполированное временем, с едва заметной гравировкой внизу. Кира склонилась ближе, разглядывая: *САША* — простые, наивные буквы, вырезанные с душой.

— Ого, — только и сказала она. — Оно настоящее?

— Настоящее. Береги его, ладно?

Она кивнула и положила зеркальце на большой плоский камень у дерева. Игра продолжилась — они бегали, смеялись, падали в траву. Потом солнце почти село, и Саша убежал домой. Девочка махнула ему рукой и пошла своей тропинкой. Зеркальце осталось лежать на камне — забытое, оставленное до завтра.

Но завтра не наступило.

Прошло много лет.

Те деревья, что были свидетелями детского смеха, теперь были чёрными остовами, сожжёнными и хрупкими, как уголь. Огонь пронёсся по деревне, как жадный зверь, пожирая дома, людей, воспоминания. Пепел летал в воздухе, смешиваясь с копотью и запахом прожжённой магии.

Сквозь дым шла девушка.

Плащ ее был изорван, лицо покрыто сажей, глаза — холодные, тяжёлые. Кажется, она не чувствовала боли, хотя каждый шаг отдавался эхом в теле. Она шла по остаткам деревни, мимо сгоревших строений, мимо сломанных заборов и обугленных деревьев.

И вдруг — хруст.

Под ногой что-то тонко и звонко треснуло. Она замерла.

Опустила взгляд — под её сапогом лежало нечто. Осторожно отступив назад, она наклонилась. Среди золы, почти утонув в ней, лежало разбитое зеркальце.

Рамка всё ещё хранила узор. Пусть потемневший, но узнаваемый. Рядом — крошечный осколок, в котором отражались её собственные глаза. Внизу, под трещинами и копотью, всё ещё можно было прочесть:

СА...

Она замерла, не в силах пошевелиться.

— Это... — выдохнула она одними губами. Сердце пропустило удар.

Руки задрожали, когда она подняла разбитое зеркальце. Оно было тёплым. Не от солнца. От прошлого.

Изнутри поднялось что-то слишком острое — чувство, похожее на удар. И память. Голоса. Смех. Обещания.

Слеза скатилась по щеке и упала прямо на осколок. А в нём, всего на миг, будто бы отразилось лицо мальчика. Саша. Тот, кто когда-то протянул это зеркальце с наивной верой.

Огонь бушевал позади, но она стояла, сжимая в ладони разбитое, обожжённое зеркало. Единственное, что осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.